

Олесь вышел из здания СБУ на улице Владимирской и пошёл направо в сторону Софии. Отец стоял на углу и с интересом рассматривал серый камень, которым было облицовано здание и его колонны.

— Ты как первый раз всё это видишь, — сказал Олесь после приветствия.

— В некотором смысле да. Когда я тут работал, было не до этого, — ответил отец. Он был в коричневом костюме, брюках с манжетами и почему-то белой летней шляпе.

— Поговорим здесь? — спросил Олесь.

— Нет, пойдём, прогуляемся, — ответил отец.

Олесь хотел перейти улицу, но отец его остановил.

— Мы не пойдём к Софии, мы пойдём к Богдану.

— А я думал, ты поведёшь меня к скверу, где ты делал маме предложение.

Отец промолчал. Олесь понял, что переборщил с остротой. Они перешли улицу, постояли немного у памятника Богдану Хмельницкому. Затем двинулись к Михайловскому собору. Отец молчал, молчал и Олесь. Миновали собор и вышли на Владимирскую горку. Подошли к беседке и уселись на лавку.

— Ну что, поговорим о том, как Виктор Фёдорович поссорился с Виктором Андреевичем? — улыбнулся сын, имея в виду разразившийся тогда,

на рубеже 2006 и 2007 годов политический кризис на Украине. Но отец заговорил о другом:

— Не хочешь спросить меня, почему секретная миссия, что тебе поручается, стала мне известна?

— Да я и так всё понимаю, ты обеспокоен моей командировкой, но не придавай ей большого значения. Это командировка даже не за кордон, а в пределах Украины. Так стоит ли водить меня по местам твоей боевой славы, чтобы съездить на неделю-полторы в некий город и вернуться. Не бери в голову, это задание учебное.

— Многие изменилось, сынок. Если раньше те, кто выигрывал, получали благодарности, а те, кто проигрывал, их просто не получали, то теперь игры идут реальные. На носу выборы. И акция, которую ты считаешь учебной, может быть использована одной стороной против другой. И я не хотел бы, чтобы тебе свернули там шею, несмотря на твои разряды по каратэ. Я полагаю, тебя уже сдали с потрохами и в Одессе ждут, чтобы взять под белые ручки, а если будешь артачиться, ещё и урюют.

— Хорошо, и что же мне делать?

— Выполнять поставленную задачу, но ты поедешь в Одессу не из Киева, а из другого места. Такого, что даже я не должен буду знать. Лучше всего, чтобы ты въехал на Украину из-за границы. Во-вторых, установочные данные, под которыми ты выступаешь, конечно, уже засвечены, я подготовил тебе паспорт на другую фамилию. И, наконец, объект для диверсии выберешь сам. Я полагаю, что у твоего руководства хватило ума не ориентировать тебя на Черноморское морское пароходство, которого уже полтора десятка лет не существует.

— Нет, отец, объект диверсии мне уже определён.

— Плохо, очень плохо.

— Почему?

— Потому, что наши конспирологические заморочки сводятся этим на нет. Потому, что тебя будут ждать там.

— Да, но у меня будет некая фора, если я приму твою тактику. Плюс ты дал мне другие документы...

— Напоследок тебе небольшой подарок, сим-карта. В критический момент дай мне знать, где ты находишься, или просто вставь её и иницируй. Я буду тебе позванивать. Постоянно. И когда дозвонюсь, пойму, что у тебя какие-то проблемы. Иначе бы ты её не вставил в телефон. И ещё одно. В Одессе недалеко от моря живёт мой друг. Ранее он работал в пединституте. Сейчас на пенсии, собирает материал для книги. Остановишься у него, дешевле и надёжнее.

Савелию Злобе был тридцать один год. Шесть лет назад он окончил журфак МГУ, но в газету не пошёл, и не только потому, что имел свободный диплом. К выпуску он уже поднаторел работать в группах поддержки кандидатов в депутаты различных органов и успешно продолжил эту деятельность, тем более что желающих попасть в депутаты было великое множество, да и платили они и их спонсоры за работу неслабые деньги.

Однако в тридцать он наелся и заработками, и работой, стал терять журналистскую квалификацию и решил, как модно было говорить в его тусовках, сменить парадигму своего существования. Сначала попробовал пробиться в редакции ведущих изданий Москвы, но не тут-то было. Там намекали на то, чтобы он, кроме диплома, представил предыдущие публикации. Однако таковые отсутствовали, и Савелий решил написать сенсационную книгу. Он стал собирать материалы, публикации которых могла бы сделать ему имя и помочь начать журналистскую карьеру.

Подходил к концу 2006 год, самым громким делом того времени было убийство Политковской, и Савелий взялся проводить собственное расследование. Опыт работы в группах поддержки людей, рвущихся во власть, научил его выделять и чётко формулировать причины и мотивы такого рвения. В биографии Политковской его заинтересовал факт рождения её в США, но интерес к нему сразу пропал, поскольку родилась она в семье советских

дипломатов. Любопытным было её отравление чаем во время полета в Беслан 2 сентября 2004 года. Однако собрать фактуру по нему не представлялось возможным, и Савелий сосредоточился на сборе материалов по версии убийства наиболее вероятной, поскольку в последние годы деятельность Политковской была связана исключительно с Чечнёй. Из этой версии выпользала другая, о том, что это провокация, направленная именно на дискредитацию главы государства и руководства Чечни одновременно. Потом всплыла версия с так называемым списком *врагов русского народа*. Там Политковская была обозначена как “агент западных спецслужб”. Савелий стал изучать список, дабы найти параллели между Политковской, её деятельностью и иными фигурантами списка, как вдруг ночью ему позвонили домой и голос с кавказским акцентом спросил.

— Это товарищ Злоба?

Савелия бросило в жар. И он долгое время не мог вымолвить ни слова.

— Ви почему молчите? — спросил тот же голос. — Ви меня слышите?

— Да, — выдавил, наконец, из себя Савелий.

— Это Сталин говорит, — произнёс голос. — Товарищ Злоба, с такой фамилией, как ваша, вам не стоит заниматься тем, чем вы занимаетесь. Потому что это для вас может плохо кончиться. Я всё сказал. — И в трубке раздались короткие гудки.

Неделю после этого звонка Савелий оглядывался на улице. Расследование он бросил, и только схемы его по-прежнему сидели в голове и в определённой мере не давали ему покоя.

Савелий стал думать, что ему делать дальше. И вдруг, как метеор на чистом августовском небе, мелькнуло: Одесса. Именно туда после распределения уехал его одноклассник Юра Краморенко. И всё как-то сразу сложилось в голове Савелия. Уровень криминала там нисколько не ниже, и если подойти с умом, то можно найти не менее забойный объект для исследования и описания и не обратить на себя внимание тех, кто не заинтересован в данном расследовании и описании. И опыт работы в Москве пригодится: в Одессу не надо ехать для расследования преступления или преступлений, в Одессу нужно ехать, чтобы описать одесситов. А это не должно вызвать подозрений.

Телефон Краморенко он нашёл быстро, позвонил. Юрий обрадовался звонку, сказал, что работает в рекламной журналистике.

— Один мужичок в своё время правильно сориентировался и приватизировал Ильичёвский порт, так вот я у него работаю, пишу тексты...

Через несколько дней после разговора Савелий шёл на вокзал, имея за спиной большую дорожную сумку. С Юрой Краморенко Савелий познакомился на вступительных экзаменах в МГУ. Москвич Злоба и донецкий паренёк Краморенко, несмотря на разность внешности и характеров, быстро сошлись друг с другом. А после того как Злоба фактически спас провинциала от кулаков двух московских гоппников, стали друзьями, и между ними установилась некая иерархия, в которой Злоба играл роль старшего брата.

Краморенко встретил его на вокзале, усадил в личный автомобиль и отвёз в ресторан на берегу моря.

— Это один из старейших ресторанов Одессы, — сказал Краморенко. — Когда-то турок по фамилии Холайджоглу построил здесь виллу и назвал её “Вилла Отрада”.

— Здесь турецкая кухня?

— Здесь кухня всех народов мира.

— Ну, не всех, — не поверил Савелий, — наверное, протухшего дикобраз здесь не подают.

— Я образно, про всех, — ответил Краморенко, — но лягушачьи лапки здесь готовят — пальчики оближешь.

— Я лягушек не ем.

— Жить в Одессе накладно, и я устрою тебя по дешёвке на базу отдыха в Затоку. Там один бывший спортсмен приватизировал...

— Бывший пионерский лагерь, в котором он когда-то работал физруком.

— Старшим физруком, — сказал Краморенко, — а ты откуда знаешь?

— Обычная схема приватизации. Сначала он помогал бывшему руководству лагеря отбить его у государства, а потом отбил у руководства, причём отбил, возможно, в прямом смысле...

— Да ну тебя, он вполне нормальный мужик.

Подошёл официант, принял заказ. В зале было прохладно, антураж, неспешные действия официантов создавали атмосферу покоя и неторопливости, какая бывает только в местах курортного отдыха.

— вполне нормальный мужик, но кормится жильцами, — продолжал заводит друга и коллегу Савелий.

— Сейчас все друг другом кормятся, время такое...

Подошёл официант, вопреки традициям ресторанов того времени, принёс на одном подносе сразу всё заказанное.

— А ещё ретро-зал, — заметил Савелий, когда официант ушёл.

— Всё правильно. Последовательность подачи блюд имеет смысл тогда, когда подают закуски, а потом первые блюда, вторые, и только в том случае, если они должны подаваться горячими, а так...

— Защищаешь своих?

— Уж больно ты агрессивен в отношении Одессы и одесситов.

— Есть малёха, — сказал Савелий, — уж больно все вы тут подчёркиваете, что вы одесситы. А чем Одесса отличается от любого другого города, хотя бы на пространстве Евразии? Архитектурой, размерами, значением?

— Поживёшь немного — поймёшь. Давай есть.

Борис не был здесь четверть века, с того времени, как пытался поступить в Одесский электротехнический Институт связи. В то время институт находился на улице Красной армии. Если вуз сохранился, то улица, наверное, уже переименована. Институт носил имя создателя радио Попова. Это он помнил хорошо, во-первых, потому, что другого такого в России не было, а во-вторых, такую же фамилию имел его друг и товарищ по факту тех неудачных экзаменов Витя, разумеется, Попов. Какое-то время он переписывался с Витей, но с распадом СССР друг перестал отвечать на письма.

Борис вышел из вагона последним, постоял на перроне и направился на привокзальную площадь. Было жарко, хотя чему удивляться, ведь это была Одесса! Он набрал номер, который ему дали в Новосибирске, но абонент молчал.

— Начальник, — обратился к нему один из таксистов, — такси к вашим услугам

— Улица Тенистая.

Машина сорвалась с места и тут же резко затормозила: по пешеходному переходу на красный свет неторопливо шла собака. Водитель матюгнулся, а потом добавил в сердцах:

— В Одессе даже собаки не соблюдают ПДД.

Борис стал вспоминать свой последний день в Одессе. Тогда он успел завалить последний экзамен, забрать документы и обнаружить в своём кармане последние пятьдесят копеек. Взять билет на эту сумму до Киева, где у него жила тётка, которая, собственно говоря, и рекомендовала ему поступать в ОЭИ, не могло быть и речи. И он пошёл болтаться по городу. На Дерибасовской зашёл в пивную под названием “Гамбринус” — дубовые столы и лавки без спинок, весьма специфический запах, поскольку под некоторыми столами был желобок, по которому текла вода, и можно было тут же отлить в него то, что ты только что влил в себя. Ассортимент — “Жигулёвское” и “Рижское”. Он взял кружку и устроился на свободное место. Первый же глоток освежил его и опьянил. Он вспомнил, что весь день ничего не ел. И зверский аппетит проснулся в молодом организме.

— Не занято? — спросил его мужик средних лет, от которого пахло водкой.

— Свободно.

Мужик выпил кружку пива и вдруг предложил:

— А давай я тебя угощу.

— А давай, — ответил он, удивляясь, как легко согласился на добровольное угощение.

Выпили по кружке и мужик, уже не спрашивая Бориса, заказал две порции пельменей. Съели. Куда-то далеко ушли от Бориса и проваленный экзамен, и отсутствие денег на обратную дорогу. А мужик долго смотрел на Бориса, а потом вдруг сказал:

— Слушай. Не убивай меня.

— Хорошо, — так же спокойно ответил он, — не буду.

— Точно не будешь?

— Точно.

— Тогда пойдём ко мне, — сказал мужик, — я тут недалеко живу, у меня жена и ребёнок. Жена варит уху. Ты любишь уху?

— Люблю.

— Тогда идём.

И они пошли к нему в дом. По дороге Борис спросил:

— Ты кто?

— Моряк, — ответил мужик, — я с рейса пришёл, сразу домой, пока жена готовит уху, решил в пивную заглянуть и тебя встретил. Ты рад?

— Рад, — искренне ответил Борис.

— Я тоже, — сказал мужик, и, как показалось Борису, тоже совершенно искренне.

— Как тебя зовут? — спросил Борис.

— Анатолий, но для тебя просто Толя.

Они пришли в старый одесский двор, где у моряка Толи была маленькая квартира, там его трепетно ждала маленькая рыжеволосая женщина и мальчик трёх лет, которого звали по-взрослому Бронислав. Он ходил по комнате, посматривая вверх на незнакомых ему мужчин и время от времени обнимал за ногу мать, произнося одну и ту же фразу:

— Моя мама...

— Валя, — сказал женщине Анатолий, — это мой друг Борис, он не одессит, но великодушно согласился... не трогать меня.

Женщина в ответ на данную реплику даже бровью не повела, а тут же бросилась усаживать Бориса за стол, который уже был сервирован на трёх человек. Видимо, заскоки Толика ей были привычны, а может, это была какая-то непонятная игра взрослых людей, один из которых вернулся после многомесячного плавания, а другой несказанно ему рад, готов простить все его неадекватности. Они выпили ещё и стали хлебать уху. Самое удивительное, что Борис не чувствовал опьянения, то ли выпил он не так много, то ли закуска была мощная.

— Ещё по одной? — сказал Толик.

Борис кивнул головой. Выпили ещё по стопке, и вдруг Бориса прорвало. Он вдруг заплакал и уткнулся лбом в плечо Толика. Толик и Валентина бросились его успокаивать и делали это так искренне, так доброжелательно, что даже маленький Бронислав подошёл к Борису и обнял его ноги. Отплакав, Борис рассказал Толику о том, как он попал в Одессу, как сдавал экзамены, как провалил последний, как остался без копейки денег и что не может уехать в Киев. И тогда Толян, его жена и даже трёхлетний Бронислав засуетились, засобирались, схватили Бориса за руку и повели на вокзал. Они шли по улице: впереди — Валентина с Брониславом на руках, а сзади — Борис, которого держал под руку Анатолий. Огромные очереди у касс привели Бориса в уныние. Но случилось чудо: Толик, минуя всех, предъявил какой-то документ и взял билет до Киева.

— Что он им показал? — спросил Борис Валентину.

— Паспорт моряка, — ответила та.

— И подействовало?

— Как видишь, — ответила Валентина.

Так он уехал из Одессы тогда...

— Начальник, начальник, — водитель дёргал Бориса за рукав, — приехали, с тебя сто сорок гривен...

Борис позвонил в дверь квартиры Попова. Открыл сам хозяин.

После душа гостя пригласили за стол, где его ждали несколько видов салата и мясная нарезка.

— Это для тебя, — сказал хозяин, — я, брат, стал вегетарианцем.

— Ты, брат, совсем не изменился, — сказал Борис, — только волосы стали седыми.

— Ну, пока не седыми, а расцветки соль-с-перцем, седина у меня ещё впереди, так, во всяком случае, говорит моя жена. А к нам ты отдыхать? Если отдыхать, то нужно куда-нибудь подальше от Одессы, хотя бы в Ильичёвск.

— Мне нужно быть рядом с Одессой. Хочу сделать Одессе деловое предложение, хочу предложить то, отчего невозможно отказаться. Сведи меня с одним из одесских авторитетов.

— Ну уж нет, ты уедешь, а мне в Одессе жить.

— Ну, тогда сведи меня с теми, кто мог бы свести.

— И этого делать не буду по той же причине.

— Хорошо, тогда просто расскажи мне, кто тут у вас самый крутой?

— Таких в Одессе нет.

— Нет, а как же...

— Пахан Одессы существует в воображении экзальтированных подростков, да и то не одесситов.

— А как же песня “Пахан Одессы Еська-инвалид”, помнишь, мы пели её под гитару в общаге “Поповки”.

— Он существует только в песнях.

— И всё же, ну, не может любое человеческое сообщество быть без пахана. Оно, как стадо баранов, должно иметь вожака.

— Ну, конечно, должно и, наверное, имеет, но я этим заниматься не буду. А теперь давай-ка выпьем, потому что я, хоть и вегетарианец, но не трезвенник. Идёт?

— Как скажешь.

Хозяин поднял свой бокал так, чтобы была видна игра лучей солнца в стекле, и само вино окрасилось в более яркий цвет.

— Помни, Бог любит Одессу, но сама Одесса шуток не любит и ошибок не прощает.

Выпили по второй, а потом и по третьей.

— А зачем тебе наши авторитеты? — спросил Попов.

— Хочу взять их в долю.

— А вот это напрасно, они входят в долю только со своими, все остальные для них, как и двести лет назад, фраера. Ты для них не больше, чем экзотический зверёк, с которого можно содрать шкурку.

— Так уж и зверёк.

— Зверёк, зверёк, что за предложение ты собираешься им сделать?

— Приобрести партию драгоценных камней.

— Шутник.

Олесь появился на квартире Виктора Сильвестровича вечером, проведя весь день на пляже. Хозяин встретил его радушно, пояснил, что живёт один. Правда, время от времени его навещает дочь, чтобы убрать квартиру.

Олесь принял душ и хотел было растереться полотенцами, но понял, что не сможет. Южное солнце сделало своё дело. Особенно чувствителен был ожог на плечах. Хозяин квартиры, увидев красноту, запричитал. Открыл холодильник, достал баночку сметаны и стал мазать плечи Олесья. Сразу стало легче. Окончив манипуляции со сметаной, Виктор Сильвестрович усадил Олесья за стол, на котором стояли две большие чашки с салатами из крабовых палочек и иных морепродуктов и салат из овощей. На двух тарелках лежало по огромному, с саперную лопатку пшеницу, посередине располагался штоф с компотом.

— У меня есть сухое, — сказал хозяин, — но я не пью, зарок дал: пока книгу не окончу, ни капли... А тебе нельзя: зудиться кожа будет после ожога.

После обеда перешли в другую комнату, и Виктор Сильвестрович вытащил какую-то папку.

— Вот ты, как мне сказал твой батька, борешься с диверсантами. Не переживай, я об этом узнал не вчера, а год назад.

— Виктор Сильвестрович, но здесь я на отдыхе, приехал позагорать, покатить удочку...

— Так ты рыбак? А где твоя удочка? Так не бывает, чтобы рыбак приехал на рыбалку и не привёз с собой хотя бы пару своих удочек... Хорошо, забыл, а на какую рыбу собираешься рыбачить?

— На днестровскую.

— То есть на пресноводную? А ты уже ловил пресноводных? На что они клюют?

Олесь наморщил лоб, словно пытался вспомнить.

— Виктор Сильвестрович, не знаю, на что они клюют, но непременно узнаю. Когда окажусь рядом с Днестром.

— Поздно будет, — сказал старик, — своей некомпетентностью ты вызовешь удивление, а если тебя будут искать, то и подозрение.

— Ладно, сдаюсь, готов выслушать вас...

— Правильно, я тебя не буду долго мурыжить...

И он стал рассказывать о том, что водится в Днестре и какую приманку для какой рыбы нужно использовать. А потом спросил:

— А что будешь делать завтра?

— Поеду куда-нибудь купить удочку, а потом на пляж... Или лучше это сделать на Привозе?

— Нет, Привоз теперь не тот. Его почти переделали в какие-то бутики. Съезди на седьмой километр. Да, на пляж ходи либо утром, либо вечером, а иначе тебе будет совсем плохо, — и старик указал Олесю на его сожжённые плечи...

В семь ноль-ноль Виктор Сильвестрович разбудил Олесю.

— Подъём, боец, — сказал он, — сбегай, искупайся, но до девяти вернись, а то снова сгоришь. А потом на рынок.

— На рынок в самую жару?

— Там необычный рынок, он больше похож на город, построенный из морских контейнеров. Когда грабили морское пароходство, эти контейнеры оказались никому не нужны. И их продавали по тысяче долларов за штуку. А потом из них и построили торговые ряды. Весьма удобно. Ставишь контейнер на контейнер, нижний служит магазином, а верхний складом. А если натянуть между ними брезент, или как говорят мои студенты, — тент, то в самую большую жару там не только не жарко, но даже прохладно, поскольку брезент даёт тень, а выстроенные рядами контейнеры усиливают сквознячок. Всё, до вечера.

Через полтора часа Олесь оказался на седьмом километре. К этому моменту он был уже весь мокрый и представлял, как, купаясь в поту, будет искать удочку... Но действительность оказалась не такой страшной. Тенты, натянутые между контейнерами, давали сносную тень, а сквознячок играл роль кондиционера. Рынок был почти современным, и только инвалид, у входа певший "Раскинулось море широко", был фрагментом из фильма о послевоенных годах Одессы.

Уже через десяток-другой минут на рынке Олесь стал понимать рыночный одесский язык. Вот стоит продавец-турок, подходит к нему женщина и, указывая пальцем на товар, спрашивает по-одесски мягко:

— Що стоит?

— Семьдесят гривен, — отвечает продавец.

— А так щоб купить?

— Шестьдесят...

В будний день на рынке было свободно. Правда, в некоторых местах между контейнерами располагались картонные и деревянные ящики, и это создавало проблемы, но в основном для продающих, а не для покупающих. Точку, в которой продавали телескопические удочки, он нашёл быстро, а выбирал товар долго. Скорее не выбирал, а слушал расхваливание товара продавцом... Информация, которую он получал у продавца, должна была вписаться в то, что на сленге разведки называется легендой. Расплатившись, Олесь сунул свёрток с удилищем подмышку и направился к выходу. Но остановился возле контейнера, где продавали униформы. Чего только там не

было! От комбинезонов с надписью “Беспека” до вполне солидных брюк и курток, больше похожих на полицейское обмундирование в Штатах.

— Есть ваши размеры, — сказал продавец.

— Возможно, я загляну к вам на днях, — ответил на это Олесь. — Как вас найти?

— По номеру, — ответил продавец и дал ему визитку.

Выйдя из контейнерного городка, он снова почувствовал дикую жару и завернул в вареничную. На его счастье, там работал кондиционер. Расправившись с варениками, Олесь потягивал холодный морс и смотрел на останков 522-го автобуса. За пять минут до прибытия очередного рейса он расплатился и вышел на улицу, став свидетелем сценки, которая могла произойти только в Одессе.

Автобус уже подошёл к остановке, а некая дама не позволяла пройти к нему невысокому щуплому мужчине.

— Женщина, — заорал мужчина, — вы плывёте, как пароход, за вами не пройти.

— Поговори мне, без зубов останешься, — почти ласково ответила дама.

— При чём тут мои зубы? — спросил мужчина.

— А при чём тут моя корма? — ответила дама.

Начальник лагеря, или Афанасьич, поместил Савелия в деревянный люк конической формы, который Савелий тут же прозвал вигвамом. Соседями Савелия по вигваму оказались двое молодых людей: парень лет двадцати пяти и такого же возраста девушка. Но если девушку можно было назвать девушкой, то назвать просто парнем двухметрового громилу с мышцами гориллы и выбритой головой было трудно. Соседи отдыхали на базе уже неделю, были загорелы не в меру, поскольку круглый день проводили на пляже, бросая друг другу резиновый мяч. Причём если девушка ловила и бросала мяч парню двумя руками, то он — одной, как делают это гандболисты. Парня звали Витьком, а девушку — Магдой.

Савелий очень плохо переносил жару и на пляже бывал утром и после четырех дня. Вечером он ходил в клуб, где играл с Витьком в настольный теннис и бильярд. Удача на теннисном столе переменчива, а вот в бильярд всегда выигрывал сосед. Он оказался профессиональным бильярдистом, несмотря на вечернюю духоту, приходил на игру в брюках, рубашке с галстуком, поверх которой надевал тоненький пуловер.

— Чтобы галстук не касался сукна, — пояснил он Савелию в первый день знакомства.

На третий день позвонил Краморенко.

— Завтра к тебе придет паренёк — знаток Одессы и её нравов, событий исторических и не совсем. Ты дай ему отдохнуть, а вечером поговори. Если определённые направления тебя заинтересуют, развивай их дальше.

— Мне ему заплатить?

— Нет, у него к тебе свой интерес.

Означенный специалист по Одессе приехал на другой день. Им оказался парень лет тридцати, именно парень, а не мужик — маленького роста, щуплый. Большие роговые очки делали его похожим на Шурика из “Кавказской пленницы”. В глазах парня горел огонь пламенных революционеров, и Савелий понял, что Краморенко не ошибся в выборе человека, который по каким-то причинам заинтересован в том, чтобы помочь Савелию написать книгу об Одессе и одесситах.

В руках приехавшего был большой потрёпанный портфель. Парень протянул руку и сказал:

— Я от Юрия Антоновича, — тут он иронически улыбнулся, — начальник лагеря сдал мне комнатку-каморку на целые сутки. Поэтому до вечера я на пляже, а вечером приду к вам, и мы побеседуем на интересующие вас темы. Идёт?

— Идёт, — ответил Савелий.

Но оказалось, это не конец разговора.

— Инфа за мной, “поляна” за вами.

Парень ушёл, а Савелий направился в близлежащий магазин купить продуктов, чтобы накрыть вечером “поляну” парню. Вернувшись в вигвам, он положил продукты в холодильник и пошёл на пляж, где увидел приехавшего, но подходить не стал, давая возможность гостю турбазы отдохнуть с дороги.

Вечером, вернувшись в номер, Савелий принял душ и стал накрывать “поляну”, выставив мясную нарезку, овощи и наделав бутербродов с красной рыбой. Оглядев выставленное, поставил в центр стола бутылку шустовского и завалился на кровать в ожидании гостя. Тот не заставил себя ждать и вскоре появился в шортах, майке и белой шляпе с неизменным портфелем в руках, сразу усялся за стол:

— Вот это приём! Настоящий одесский, до которого в Европе никто и не додумался бы. Давайте знакомиться по-настоящему. Я Владислав Никанорович, а вас — Савелий?..

— Савелий Михайлович.

Гость взял в руки бутылку со стола, осмотрел её со всех сторон и начал рассказывать о том, как Шустов, создав свой коньяк, обучил десяток молодых людей иностранным языкам и аристократическим манерам и отправил их в Европу.

— Там они каждый день посещали по несколько ресторанов и заказывали шустовский коньяк. А если такового не было, устраивали скандалы, били посуду, хулиганили. За всё расплачивался сам Шустов. И через какое-то время все рестораторы Европы на всякий случай имели у себя по несколько бутылок шустовского коньяка. Как? Европе такой маркетинговый ход и не снился тогда, — заключил парень.

— А вы действительно знаток, — польстил парню Савелий, хотя знал эту историю ещё с девяностых, её рассказывали российские “рестораторы”, продавая налево и направо самопальную водку и коньяк.

Выпили за приезд, за знакомство, закусили. Владислав радостно потёр руки, дождался, пока Савелий нальёт очередную порцию коньяка, выпил и начал почти торжественно говорить:

— Юрий Антонович сказал мне, что вы профессионально интересуетесь Одессой и одесситами.

— Во всяком случае, пытаюсь, — ответил Савелий.

— С одной стороны, тема благодарная, а с другой — напротив. Слишком много об этом уже написано, и сложился совершенно определённый стереотип Одессы, фактически той Одессы, которой нет и никогда не было.

— Совсем не было?

— Совсем, если следовать букве этого стереотипа.

— А если духу?

— Если духу, то там есть точки соприкосновения, — ответил Владислав, не уловив ёрничанья собеседника, — в общем, отдельные черты Одессы реальной, конечно, послужили основой для создания этого стереотипа или...

— Мифа об Одессе, — подсказал Савелий.

— Нет, не мифа, а, скорее, легенды, потому что миф — это реальность, а легенда — вымышленность. Но стоящая на неких реальностях. Посмотрите, что делается сейчас в Украине? Создаётся Великий украинский миф о том, что укры — первые жители земли и что от них пошли все другие народы. И что империя укров простиралась от Карпат до Тихого океана.

— Почему не от Атлантического?

— Потому что Европу нельзя обижать.

— А Россию можно?

— Россию можно, она до сих пор считает укров братьями.

— Значит, брата можно кинуть?

— Кинуть можно всех, — заключил Владислав, — но брат никогда тебе не ответит за кидок так, как не-брат. Поэтому с братом можно меньше церемониться.

— А-а, понятно, — ответил Савелий, — значит, брата кинуть не в паду.

— Примерно так.

— Но ведь сие не соответствует действительности?

— Теоретически да, но практически... Ведь никто не видит, что этот миф работает, и вскоре он будет давать реальные плоды, а все хихикают и крутят пальцами у виска. Не понимая, что свойство мифа — материализовывать виртуальность, а свойство легенды — всего лишь вводить в заблуждение.

— Интересно.

— Разумеется, интересно, но ведь вас интересуют не абстрактные подходы к легендированию, а конкретные вещи. Так?

— Так. Я бы хотел некоторое освоение данного пространства начать с исследования корней одесского юмора.

— Ну, с юмора так с юмора. Через пару дней я ещё раз приеду сюда и привезу вам фактуру. А сегодня мы будем просто отдыхать.

Владислав не подвёл Савелия, приехал точно через два дня. Как и в первый раз, он валялся на пляже днём, а вечером явился в вигвам, извлёк из своего портфеля вяленую тарань и несколько бутылок пива “Оболонь”.

— Для разминки, — сказал.

И действительно, пиво после жаркого дня пошло хорошо, если не сказать больше. А потом и коньяк *полетел соколом*. После третьей рюмки разговор оживился, Владислав забыл церемонии первой встречи и стал звать Савелия на “ты”.

— То, что все считают одесским юмором, — это действительно одесский юмор, но его основу, фундамент, так сказать, составляет юмор еврейский, и не просто еврейский, а юмор евреев, которые живут и жили в Одессе.

— И кто же из евреев живёт в Одессе?

— О, имя им легион. Но вернёмся к одесскому юмору, точнее, к его носителям. Таковых было около десятка, но более известны пятеро. Я же остановлюсь на трёх: Ильфе, Бабеле и, возможно, Валерии Смирнове.

— А что, первые двое не заслужили того, чтобы называть их по имени?

— Нет. Первые известны без имени, а третий не столь популярен, в частности, в России, поэтому я и назвал его имя. Первый среди них был, конечно, Бабель. Хотя критики не относят его к юмористам. Но это действительно так, и этому есть примеры и иллюстрации. Следующий — Ильф, хотя его причисляют к сатирикам. Но он юморист, потому что сатира — это жёсткий юмор, имеющий некую социально значимую цель в тот или иной период времени. Отдельные исследователи творчества Ильфа отмечают его начальные рассказы как юмористические.

— А почему именно еврейские шутки стали одесскими?

— Методы доказательства в Талмуде принято называть “пильпуль”, по-иному, ‘заправка перцем’, а спец в пильпуле тот, кто, ухватившись за какую-нибудь особенность, с помощью хитрых ходов и умозаключений придёт к непредсказуемому выводу.

— Но это старо, как мир, это же разновидность софизмов.

— Да, и, возможно, тот, кто знает эту технику, и не предполагает, что она разновидность софизмов, но владея ею, он получает практический результат.

По сути, еврейская шутка — это крошечный рассказ, который можно повернуть и так, и сяк, причём сами персонажи часто не знают или делают вид, что не знают, какой эффект производят их поступки и слова. При этом удивительные вещи происходят с языком. Если вы, будучи евреем, находите ситуацию смешной, поскольку видите в ней неочевидные для других смыслы, то ваш рассказ о случившемся в переводе на язык страны, в которой вы живёте, делает анекдот ещё смешнее, а скрытые в нём парадоксы — ещё более выпуклыми. Именно потому они смешны и евреям, и не евреям.

— Например?

— Например. Соломон Моисеевич, вы знаете, что говорят о вас соседи, когда вас нет дома?

— Когда меня нет дома, пусть они меня даже бьют.

И во время учёбы в НГУ и после того, как он окончил факультет геофизики, Борис любил работать в поле.

Однажды рабочим к нему в партию пришёл немолодой уже зек. Фамилия его была Ачиков, звали Прошей, но все в партии знали, что Проша

откликается на погоняло Чилиндра. Он прилично играл в шахматы и, так как шахматистом в партии был только Борис, частенько сидел с ним за шахматной доской. Но то ли играть молча ему было в падлу, то ли он хотел как-то выделиться из среды рабочих своей необычностью, во время игры он рассказывал Борису о жизни в зоне и на свободе.

Потом пути их разошлись, Борис продолжал мотаться по Сибири, пока не грянула перестройка, не развалился Советский Союз, похоронив под своими обломками многие изыскательские проекты и оставив геологов и геофизиков без копейки денег. Но за те несколько месяцев общения во время работы и шахматных партий Борис узнал об Ачикове и его жизни больше, чем о нём знали все опера колоний, где ему приходилось отбывать срок.

— Знаешь, как я приобрёл своё погоняло, — говорил Чилиндра, расставляя фигуры на доске.

— Что приобрёл? — спросил тогда Борис.

— Погоняло, — ответил Ачиков.

— Кличку, что ли?

— Нет, — как неразумному дитяти, объяснял Ачиков, — клички имеют собаки, шныри, а уважающие себя люди имеют либо погоняло, либо псевдо. В детстве я говорил не цилиндр, а чилиндр, и шпана мгновенно приклеила мне это погоняло.

— И не обидно?

— Не-а. Погоняло — это как марка.

— Ну, какая это марка! Был тут у нас в окрестностях Красноярска авторитет Тузик, какая это марка!

— Э, не скажи, — говорил Ачиков, пряча за спиной две шахматные фигуры. — В какой руке берёшь?

— В правой.

— Играешь белыми, — продолжал он. — У воров мир стоит на других понятиях. И всё, что в мире обычных людей ценится, там таковым не является. Вот ты, например, угол открываешь ключом...

— Что открываю? — спрашивал Борис, думая какое начало ему разыграть.

— Угол, по-вашему, чемодан, а вор, который у тебя это закрутил, по-вашему, украл, обязан замки сорвать. Поэтому и погоняло у воров с позиций обычных людей смешные, но в этом и есть глубокий смысл, авторитетный вор не боится смешных, с позиций обычных людей, псевдо.

Чилиндра всю свою сознательную жизнь воровал, но не считал себя воров-профессионалом.

— Я не блатной, — говорил он, вкладывая в этот сленговый термин одному ему известное значение. Он восхищал других рабочих партии тем, что почти наизусть знал Уголовный кодекс Российской Федерации. И семь раз был на экспертизе в Институте имени Сербского. Причём трижды его признавали вменяемым, а четыре раза невменяемым. Как система самообучаемая, он просёк то, что необходимо психиатрам, чтобы признать его невменяемым. Четвёртый раз в Сербского он попал с большим шрамом на шее и рассуждениями, что видит будущее, о котором ему говорят двухметровые прозрачные личности. Попытка суицида плюс ясновидение утвердили врачей в мнении, что перед ними психически больной человек.

В партиях Борис видел немало людей, отбывавших срок наказания, или тех, кто демонстративно относил себя, как говаривал Ачиков, к преступному миру. Почти все они были психопатами. А Чилиндра-Ачиков был на удивление уравновешенным человеком. Правда, иногда он “включал дурака”, но это были внешние проявления, внутренне он всегда себя контролировал не хуже любого йога.

Нормальный человек должен кого-то любить, а кого-то ненавидеть. Ачиков ненавидел паспортистов, людей, которые сделали его воров.

— Откинулся я первый раз, — говорил он Борису, переставляя фигуру на доске, — и решил с воровством завязать. Пришёл прописываться. А дело было в Питере. А паспортист на меня посмотрел и говорит: “А ты еще на работу не устроился?” Я отвечаю: “Нет”. — “Так вот, когда устроишься,

сразу ко мне или моему коллеге из района, где ты будешь работать. Понял?" Чего ж тут непонятного! Я на предприятия, а там мне говорят: "А ты ещё не прописался?" — "Нет", — отвечаю. "Ну, как только пропишешься, так сразу к нам, мы тебя на работу и возьмем". Я снова к паспортисту, говорю: "Всё замётано, берут меня на работу, прописывайте". А он мне: "Где документ, что тебя взяли?" Дёрнулся я ещё раз туда-сюда, вижу, разводят меня. Тогда я взял и купил специальный клей.

— Зачем?

— А ты хочешь узнать, зачем? Намазал я этим клеем себе лоб, приклеил справку об освобождении, горячим утюгом провёл, чтобы крепко въелась, и стал гулять по Невскому.

— И чем это закончилось?

— Статьёй за хулиганство, новым сроком. Но после этого я уже к паспортистам никогда не ходил.

Чилиндру Борис разыскал через справочное, значит, все же ходил Ачиков на поклон к нелюбимым паспортистам. На удивление, Ачиков встретил его так, будто давно ждал.

— А, начальник, — произнёс он, открыв дверь квартиры, — входи. Чем обязан?

— Дело есть на миллион долларов, — пошутил Борис.

— Заходи, поговорим, — ответил Ачиков, — серьёзные дела на пороге не решаются и с порога не начинаются.

Ачиков проводил его на кухню и стал готовить чай. Борис обратил внимание, что в квартире необычно чисто.

— Женился? — спросил он у хозяина квартиры.

— Приходит женщина, — уклончиво ответил тот, — тебе "настоящий" или "купец"?

— У тебя "купец" — как "настоящий", если я помню, — ответил Борис.

— Ну, тут ты, начальник, не прав, какой бы крепкий ни был "купец", он всегда заваривается, а настоящий варится. Тут, как говорят в Одессе, две большие разницы.

— А ты когда-нибудь был в Одессе?

— Нет. А почему ты спросил?

— Потому что базар, как ты говорил ранее, пойдёт за Одессу.

— Базар, говоришь... Ну, за Одессу так за Одессу.

— А почему ты не был в Одессе?

— Ну, Одесса такой же воровской понт, как и Ростов.

— То есть Одесса — мама, а Ростов — папа — это не совсем то.

— Нет, но босяки традиционно любили южные города, да и блатные тоже.

— А ты, как я помню, не блатной.

— Да-да, я не блатной и в Одессу на гастроли ради понта не ездил, мне российских карасей хватало.

— Значит, в Одессе ты не был, но сориентировать меня по Одессе можешь?

— Сориентировать могу, тут сложностей особых нет, люди они всегда и везде люди. Правда, как ты когда-то говорил, со своей спецификой.

— А ты помнишь, что я говорил?

— Ну, ты же помнишь.

— Я другое дело, у меня хорошая память.

— Ну, а мне всё надо было помнить. Всё в жизни могло пригодиться.

— А теперь?

— И теперь тоже. Вот ты ко мне пришёл не чай распивать, так? Значит, а тебе пригодился, а отсюда я — человек нужный тебе, сокращённо — нужник. Как тебе мой юмор?

— Нормально, но где-то я это уже слышал.

— Да, разумеется, все эти афоризмы существуют не один десяток лет, просто одни их слышат впервые и восхищаются неожиданным поворотом мысли, а другие знают их давно и используют для того, чтобы произвести эффект. Итак, что тебе нужно в этой Одессе?

Они закончили чайную “церемонию” и перешли в “зал”, единственную в квартире комнату.

— Вот видишь, — сказал Ачиков, — всё в жизни когда-нибудь может пригодиться. Я не буду корчить из себя законника или авторитета. Я не был ни тем, ни другим и только сейчас понимаю, что я был исследователем того мира, о котором ты говоришь. Пришли другие времена, и тех отношений уже нет, хотя кое-что в качестве реликта осталось. Может, тебе и повезёт, если будешь использовать то, о чём я тебе скажу.

— Но это резервный вариант, — произнёс Борис, — на всякий случай. — Случаи бывают всякие, — сыронизировал Ачиков, — и, скорее всего, твой основной вариант там не прокатит.

— Почему?

— Кинуть лоха теперь в доблесть.

— Я лох?

— Да не только ты. Вот ты приехал туда с некими предложениями или предьявой и затеял базар с теми, кто там живёт, кто принадлежит к какой-то коdle блатной или не блатной, не столь важно. За ними коdle, а за тобой — никого. Возникает желание кинуть тебя, ведь это будет стоить недорого, да и отвечать потом не перед кем. Ты для них корова, которую они могут подоить. А если молоко кончится, прирезать...

— Но пока я даю молоко, меня будут беречь?

— Да, но никаких обязательств перед тобой у них нет. И слово они держат только перед равными себе, всех остальных...

— Понял, кинуть не в паду... И как мне вести себя с ними?

— С достоинством. Как ты вёл себя в партии.

— Ну, в партии я был начальником.

— И здесь будь начальником, ты не просишь у них денег, ты деловой, который приехал с интересным предложением.

Ачиков немного подумал, а потом произнёс:

— Тут я, пожалуй, загнул, у деловых, в отличие от блатных, другая философия, и ты к ней тоже никого отношения не имеешь, а это чувствуется. Ты должен быть самим собой, как бы тебе ни хотелось мимикрировать, чтобы проще решать твои задачи.

— Ты стал говорить, как профессор в вузе.

— Не поверишь, но я устроился вахтёром в одном из корпусов НЭТИ.

— Ты пошёл в вертухай?

— Это не в паду, если не служишь тому, кого охраняешь...

— Понял, понял, а устроился, например, чтобы узнать систему охраны...

— Да, или продолжить изучение среды... А вдруг пригодится.

— Ты собираешься жить вечно?

— Ну, вечно, не вечно, а десяток-другой ещё протяну.

— Тогда объясни, почему меня нельзя принять, как ты говоришь, за делового?

— Помнишь этот фильм-нескладушку про “Место встречи...”? Так вот, там МУР внедряет в банду Горбатого своего человека, и Жеглов говорит, что его не примут за своего. Потому что у него на лице десять классов написано. В те времена редко кто имел десять классов. Всё больше четыре, а уж человек с семилеткой мог идти на рабфак или в техникум...

— Слушай, у меня такое впечатление, что ты учился и на рабфаке, и в техникуме.

— Я не учился ни там, ни там, но в вечернюю школу в зоне ходил и оценки имел приличные, правда, учителя там были зеки.

— Так откуда ты всё это знаешь?

— Я жил тогда, тянул с теми, кто учился в техникумах, а жизнь — лучший учитель. Ты меня не сбивай, а то я далеко в сторону уйду, и ты от меня ничего нужного не получишь. Так вот, почему ты не деловой? Типичный деловой — это цеховик семидесятых-восемидесятых годов. Ему уже нужно было расширять не только производство, но и сбыт. И его уже охомутали бандиты.

— Ты хотел сказать — воры.

— Нет, в таких понятиях я никогда не ошибаюсь, воры того времени не связывались с цеховиками. Точнее, не принимали предложений пришлых из мира того взять их под контроль.

— И бандиты...

— Да. Тогда бандиты, а в них пошли и перековавшиеся воры, и спортсмены, и просто быки с улицы, взяли цеховиков под крыло.

— Кто выиграл от этого?

— Я тебе Гайдар-внук, что ли? Откуда я могу знать, кто выиграл? Да и нужно ли тебе это знать, ты же не в Государственную Думу баллотируешься.

— А при чём тут Дума?

— Да там все всё знают или пытаются убедить всех вокруг, что знают.

— Ты мне ответь конкретно, почему я не смогу сойти за делового?

— Потому, что ты не деловой.

— Поясни на примере.

— Пожалуйста, на примере. Помнишь, пришёл в партию некий бык по кличке Коряга. Начал пальцы веером топырить, но ты его раскусил.

— Так он был понтач, это за версту было видно.

— Вот видишь, ты его раскусил, несмотря на то, что он был настоящим бык и от наколок синий. Но я тебе расскажу случай ещё более интересный. Как-то ещё в Краслаге пришёл в зону вор, выдававший себя за законника. Его приняли, оказали уважение, но через неделю зарезали. Причём то, что он не мог быть авторитетом, блатные поняли с первого дня.

— Он вёл себя не так, как они?

— Нет, он многое делал так, как они. Но он закрывал за собой двери, чего вор его уровня делать не должен.

— Надо же, на какой мелочи засыпался.

— Это не мелочь. Я всё это тебе рассказывал для того, чтобы ты не вздумал там распальцовкой заниматься, обещать много и строить из себя делового. Ты тот, кто ты есть на самом деле. И в этом стойле ты непоколебим. Ты инженер, изобретатель — и не больше. Понял?

— Понял, чего уж тут не понять.

— Ну, вот и всё, я тут потормошу кое-кого и через пару-тройку дней ты ко мне подходи, будем думать, с чем тебя отправить в Одессу. И главное — не тушуйся, везде есть люди, — произнёс Чилиндра почти торжественно, вкладывая в слово “люди” только ему понятный смысл.

Старший оперуполномоченный УСБУ по Одесской области капитан Старостенко третьи сутки безвылазно сидел в Беляевке. Неделю назад его вызвал начальник отдела и долго объяснял суть задачи.

Выходило, что там, в Киеве, их коллегам нечего делать. И они решили запустить в Беляевку диверсанта, который должен провести учебную диверсию на очистительном комплексе, снабжавшем Одессу питьевой водой.

— Но в Беляевке целое отделение сотрудников, — возразил Старостенко.

— Им лучше этого не поручать, — сказал начальник, — их показная активность спугнёт диверсанта.

— Но они лучше знают обстановку, у них свой актив.

— Поедешь туда заранее и сколотишь свой актив.

— А не перехлестнёмся мы с местными?

— Не перехлестнёмся, да и дело несложное. Там в Киеве одни пытаются показать, что мы здесь ничего не делаем, а вторые благоволят нам.

Так вот, вторые сообщили приметы диверсанта и его установочные данные. Дело чести при такой форте его взять или хотя бы не дать ему возможности провести “диверсию”.

— А почему именно Беляевка?

— Там эта станция, по советской терминологии — “объект, уязвимый в диверсионном отношении”. Если гипотетически отравить в ней воду, то отравится вся Одесса, а это шум на весь мир. Наши начальники полетят, политики приобретут капитал, а те, кто управляет так называемыми финансовыми потоками, потеряют возможность ими управлять. А для них это смерти подобно.

Старостенко был достаточно опытным опером, чтобы не понимать, что сам он, оказавшись на “чужой поляне”, становится мишенью, в том числе и для своих коллег. Но приказ есть приказ...

— Да, — сказал начальник, — парню этому под тридцать, он каратист, родился в Киеве, учился в политехе, фамилию, имя, отчество узнаешь позже... Перед самым отъездом.

— Почему не сейчас?

— Конспирация.

Прежде чем уехать в Беляевку, Старостенко установил контакт с кассирами автобусной станции. Он понимал, что диверсант может приехать на такси, но, прежде чем совершить диверсию, ему нужно изучить оперативную обстановку. Ничего не поделаешь, хотя Старостенко и пришёл служить в органы в девяностые, у него и у предполагаемого диверсанта были ещё общие учителя. Кассиры заложили в память компьютеров фамилию, имя, отчество предполагаемого диверсанта, и Старостенко со спокойной совестью уехал из Одессы. Раскинув свою небольшую сеть, он, как паук, стал следить за тем, не раздастся ли звон колокольчика, свидетельствующий о том, что некто, весьма похожий на диверсанта, в неё попал. Сам он поселился на Маяках, раз в день выходил на рынок и пил кофе в кафе, что через дорогу от рынка.

Вот и сегодня он не спеша прошёлся по торговым рядам, купил кусок соленого сала с прожилками мяса — на вечер. Внимательно, словно собирался покупать, постоял у связок солёной и вяленой рыбы. Старостенко был истинным одесситом и не любил пресноводную рыбу. В ней много мелких костей. То ли дело всё, что более пары килограммов и выловлено в море. К такой рыбе больше подходит название “мясо-рыбы”, как у Хемингуэя в повести “Старик и море”.

Обойдя рынок и перемигнувшись с двумя продавцами овощей, Старостенко направился к выходу. Там он немного постоял у тазов, в которых шевелились зеленые, с коричневатым оттенком раки. Представил, как они краснеют, варясь в кипятке, и прошествовал в кафе, не преминув подмигнуть бабе Одарке, которая продавала неподалёку от входа на рынок шерстяные варежки и носки.

Заказывая кофе у барной стойки, он вопросительно посмотрел на бармена. Тот отрицательно покачал головой. Усевшись с чашкой кофе за дальний столик, Старостенко стал смотреть в окно, но периферийным зрением изучал компанию местных полууголовников, которая в традициях девяностых почти всё время проводила в кафе. Компания была одета так, как уже не одевались уважающие себя представители криминального сообщества. На каждом — спортивные брюки синего цвета и белые майки с короткими рукавами. В этой компании на восемь человек всегда имелись две-три девицы, причём, если парни были одни и те же, то девицы — каждый день разные.

Время от времени кто-либо из компании обращал внимания на мужика, который уже третий день почти в одно и то же время заходит в кафе пить кофе. Но ни у кого из них не появлялось желание попробовать чужака “на зуб” или “проверить на вшивость”. Во-первых, потому, что мужик вёл себя очень уверенно, а за таким всегда стоит тот, кто может создать проблемы окружающим. А кому нужны проблемы? Во-вторых, мужик был значительно старше местной шпаны, и, следовательно, не конкурент.

Правда, сегодня компания вела себя более шумно, чем вчера. Наверное, выпили больше обычного.

— А чо ты, — петушился один из них. Скорее всего, лидер, поскольку мог позволить себе говорить с остальными, выпятив вперед нижнюю челюсть, — а чо ты...

— Я ничо, — отвечал ему “собеседник”, — а ты чо?

— Я-то ничо, а вот ты мне предьявы делаешь!

— Да не делаю я тебе предьяв...

Столь содержательный “базар” продолжался уже несколько минут, но уйти так просто нельзя, если компания почувствует, что создаёт кому-то

душевный дискомфорт, она обратит внимание на него как на возможный объект травли. Здесь было всё, как в животном мире. В качестве жертвы или объекта нападения выбирают не первого попавшегося или самого близкого, а того, кто больше других боится стаи.

Лидер всегда почему-то сидел спиной к выходу из кафе. Сегодня всё было наоборот. Парень был крепок, широк в кости, его надбровные дуги создавали ему вид панчера — боксёра-нокаутера. По некоей полубандитской моде он был обрит, а на голове его было небольшое родимое пятно.

— Да хватит тебе, Горби, — вмешался в “разговор” парень, сидящий справа от лидера, — он и не думал тебе делать предъявы. Где ты, а где он? Тот, кого назвали Горби, снизил агрессивность и сел на стул.

— А-а, — протянул он неопределённо, — наливай...

Посидев в заведении четверть часа, Старостенко поднялся со стула, вышел из кафе и пешком направился на квартиру, предвкушая послеобеденный сон, вечернее купание и ужин, который он приготовит на чугунной сковороде из яиц с салом.

Самое удивительное было то, что Олесь появился на рынке в Маяках спустя полчаса после Старостенко. Он так же, как и опер, ходил по торговым рядам, посмотрел на шевелящихся раков, отклонил предложение их купить, но спросил у продавца:

— Где можно снять квартиру на несколько суток?

Прадед кивком головы показал на старушку, которая продавала вязаные носки.

— Баба Одарка, она всё знает...

Баба Одарка действительно знала всё, за десять гривен дала полный расклад свободных квартир и комнат, пояснив:

— Комната менее удобно, но более безопасно. А то у Вальки Спиридоненко клиент снял квартиру и уехал на рыбалку с ночёвкой, а потом приезжает — ни вещей, ни денег.

Взяв у бабы Одарки три адреса, Олесь решил заглянуть в кафе и сразу понял, что сделал это зря. За одним из столов сидела пьяная компания, она сразу обратила внимание на чужака. Олесю ничего не оставалось делать, как пройти к барной стойке и спросить облегчённый вариант “Кэмэла”. Разумеется, такого не оказалось, и он спокойно покинул кафе, чувствуя на себе неприязненные взгляды мужской половины пьяной компании.

Дойдя до первого дома, значащегося в адресах, Олесь вошёл в калитку. И тут же ему навстречу рванулся огромный ком шерсти, на шее — ошейник, а голова изрыгала хрипы и лай, от которых кровь стыла в жилах. На крыльцо вышла хозяйка по имени Валентина и так рывкнула, что пёс, поджав хвост, пошелся в будку. За сто двадцать гривен в сутки Олесь обрёл спартанскую обстановку: железная кровать, тумбочка, шкаф, телевизор. Холодильник на улице, там же газовая плитка и стол. И там же душ, правда, летний, но вода в нём всегда горячая. А в жару это очень удобно.

— На ужин, что приготовить?

— Суп с галушками, — пошутил Олесь

— Можно и суп, — ответила Валентина, не поняв или не приняв шутки. — Что пьёшь?

— Ничего, я трезвенник.

— Трезвенник — это хорошо.

— Почему хорошо?

— Проблем меньше... А то сколько ни предупреждай жильцов, что я женщина мужняя, стоит вышить граммов двести — забывают.

— Я не забуду.

— Не забывай, на ужин ровно в семь вечера...

— Хорошо, я могу располагаться?

— Можешь... — сказал Валентина, но из комнаты не ушла.

— Что-то не так?

— Разумеется, деньги вперёд.

— Ах, да, — смутился Олесь, — вот вам за пять суток.

Валентина взяла плату и покинула комнату. Олесь разделся, влез в шорты и, взяв полотенце, вышел во двор в дверь, противоположную той, что выходила на крыльцо. Где-то там за стеной залалял было пёс, но сделал это как-то неуверенно, видимо, окрик хозяйки здорово на него подействовал.

В той части двора, о которой говорила Валентина, оказалось довольно уютно. Под навесом стоял холодильник и газовая плита. В некоем подобии беседки, увитой плющом, — стол, вокруг него — несколько табуреток. Чуть в стороне — душ, похожий на маленький парник, так как стены покрыты полиэтиленовой пленкой, почти прозрачной. То есть через неё можно смутно видеть, что в душе находится чьё-то тело. Но рассмотреть конкретно его формы не представлялось возможным.

Вода в душе оказалась в прямом смысле горячей, однако Олесь знал, что после такого душа возникнет приятное чувство прохлады. Олесь вернулся в комнату, улегся на кровать и стал подводить итоги первой половины первого дня в Беляевке.

На месте своих коллег, которые, безусловно, ждут его здесь, он поступил бы так же. То есть создал позиции, прежде всего, на автостанции, в местах общего пользования, в магазинах и на рынке. Безусловно, договорился бы с бабой Одаркой. И нет сомнения, что его уже взяли на крючок, что, собственно, и было нужно. Ибо надеяться на то, что он может проникнуть в Беляевку незамеченным, было бы смешно.

Единственно, что пока не стыковалось это...

В дверь комнаты тихо постучали. Олесь вскочил с кровати и пошёл открывать дверь. В коридоре стояла Валентина.

— Совсем замоталась, нужен твой паспорт.

— Конечно, — ответил Олесь, вернулся, достал из барсетки паспорт и передал его хозяйке.

— Вечером верну, — сказала она и удалилась.

А Олесь снова завалился на кровать. Всё стало на свои места. Последний штрих, которого он так ждал, был только что сделан. А вот вам всем хрен, молодец папая, нашёл возможность достать мне паспорт с другими установочными данными, пусть поломают голову, контрразведчики.

Неожиданно для себя Олесь уснул и проснулся ровно в семь вечера. Поднялся с кровати, умылся, прополоскал рот и вышел в ту часть двора, где была кухня и стол в беседке, увитой плющом. Хозяйка стояла за плитой, на сковороде у неё что-то скворчало.

— А где муж?

— На смене. Он тебе зачем?

— И точно, зачем он мне...

А хозяйка между тем стала носить на стол всё, что было у неё на плите. Сковороду с жареной говядиной, салаты из огурцов и помидоров отдельно, хлеб нарезанный крупными ломтями, сочную редиску с хвостиками на пластмассовой тарелке. А потом на столе появился графинчик с красноватой наливкой. Олесь вопросительно посмотрел на хозяйку.

— Это всего лишь наливка, — сказала она, — даже не настойка. Так что ты можешь смело выпить, её все трезвенники пьют.

Наливка оказалась очень приятной, Олесь похвалил хозяйку. Она тут же налила ему вторую стопку, но он от неё отказался и стал жадно есть мясо, с хрустом заедая его редиской, помидорами и огурцами.

— Чем завтра заниматься будешь?

— В разведку пойду, нужно узнать, где тут у вас червя копают и как удобней к озеру Белому подобраться. А где вы работаете?

— На очистительной станции. Я завтра с утра на работу, так что ты будешь закрывать не только комнату, но и дом, и калитку.

Следующие два дня до приезда Владислава Савелий валялся на пляже, играл в бильярд с соседом по вигваму и начал читать “Полутолковый словарь одесского языка”. Однако все изыски его показались Савелию надуманными и притянутыми за уши, он отложил словарь в сторону и стал считать время до приезда Владислава.

Владислав появился на следующий день, и всё повторилось. Днём он ку-пался и загорал, вечером явился в вигвам.

— Ну вот, — сказал он, будто они расстались пять минут назад, — я так и предполагал, что тебе не интересны юмористы Одессы и их язык, и интуиция меня не подвела.

— Хорошая у тебя интуиция, — ответил Савелий.

— Пока не жаловался, — неопределённо ответил Владислав. — Но вернёмся к нашим баранам. В этом году как раз юбилей — ровно десять лет со дня убийства главного редактора газеты “Вечерняя Одесса” Бориса Деревянко. Расстрелян по дороге на работу, неподалёку от редакции газеты.

— Этот факт из ряда вон или...

— Это в тебе говорит профессиональная солидарность или проснулся исследователь данной темы?

— Наверное, второе, — ответил Савелий.

— Хорошо, затронем и первый аспект. Он связан с общей обстановкой на Украине. Несмотря на надувание щёк и обнаружение собственных залежей ископаемых, Украина страдает от отсутствия достаточного количества газа, в Одессе его тоже нет. Электричества тоже не хватает. Поэтому его отключают. И горячую воду соответственно — тоже. Да что там горячую, с водой в Одессе всегда была напряжёнка, а сейчас особенно. Но если газ, нефть и прочие подземные богатства отсутствуют объективно, то вода рядом, и население остро реагирует на её отсутствие, перебой или угрозу таких перебоев. Нет-нет да появится в прессе рассуждения о том, что вдруг некая политическая сила, чтобы дискредитировать власть, совершит диверсию на фильтровальной станции в Беляевке.

— И это действует?

— Вам, пришлым, трудно понять это. Одесса уже не та, что была раньше. Не работают заводы, которые работали на союзную оборонку, закрыты заводы, производившие станки. Закрыта и растащена Одесская киностудия. Дома, построенные из известняка сто пятьдесят лет назад, разваливаются, превращаются в песок, поскольку не рассчитаны на такое длительное функционирование. И это всё результат выпадения Одессы из некоего общего механизма, в котором она была очень нужным винтиком. Всё это есть среда, в которой работают наши СМИ, но на их страницах об этом ни слова. Ты спросишь, почему? Да потому, что это уже не среда, а медиа-рынок. И как всякий рынок, она решает одну задачу получения выгоды. На этом рынке всё схвачено и поделено.

В Одессе до пятидесяти довольно крупных печатных изданий и более двух десятков электронных СМИ. Но все они прекрасно сосуществуют с властью, разве что иногда для самопиара затеют конфликт или обратят внимание на себя тем, что им не дают работать.

— Понятно, — сказал Савелий, но только для того, чтобы поддержать разговор.

А Владислав продолжал.

— Но что следует отметить, так это широкое использование новых технологий “чёрного пиара”. Как, например, распространение провокационных листовок под видом газет от имени одной из партий её конкурентами. А поскольку ещё одна примета нынешней избирательной кампании — полное отсутствие каких-либо опознавательных знаков на печатных агитматериалах, выяснить, кто реально их издаёт, невозможно. В общем же, СМИ стараются заработать как можно больше на выборах. Это и неудивительно, поскольку рынок рекламы в Одессе развит слабо. Точнее, это не рынок, а базар, на котором стоят в основном перекупщики. И если радио и телевидение ещё как-то обеспечивают себя, то в газетах дела обстоят гораздо хуже. Прежде всего, в Одессе нет традиции покупки газет. С прилавков киосков продукцию сметают в основном представители старшего поколения, и то те, кто может себе это позволить по финансовым соображениям. Те, кто не могут, довольствуются газетами, бесплатно рассылаемыми пенсионерам. Люди активного возраста предпочитают интернет или лаконичную информацию в формате

теле- или радионовостей, которую им “вкладывают в уши” между делом — по радио в машинах, маршрутных такси.

— Ну, здесь нет ничего нового, почти так же обстоит дело с прессой и в России.

— Я за Россию не ответчик, я за Одессу отвечаю, — произнёс Владислав и продолжил: — Средняя заработная плата журналистов в одесских СМИ — 200–250 у. е. Правда, востребованный журналист вполне реально может заработать в месяц 500–700 у. е., а иногда и больше, работая на разные издания.

Материальные и творческие проблемы одесских газет объясняются, прежде всего, тем, что их владельцы не рассматривают издательство как бизнес. Боссы считают газеты чем-то вроде игрушки. Отсюда и кадровая политика таких издателей. Редакторов они подбирают не по профессиональному принципу, а на основании дружеских отношений. По сути, редактор им и не нужен, так как такие владельцы газет сами себе редакторы: они лично определяют, о чем и как писать журналистам.

— А Деревянко?

— Ну, он был из старых журналистов, которые нашли себя в новой обстановке.

— И потому его убили?

— Не надо спешить с формулой “и потому”, — сказал Владислав. — А всё предыдущее я рассказал потому, что без этого тебе не понять, почему.

— Ну, конечно же, не понять, — сказал Савелий, — но я перед тем, как задать тебе этот вопрос, посмотрел всё, что у вас есть по нему в так называемой открытой печати.

— И что обнаружил?

— Немного, исходя из того, что о человеке ушедшем, как правило, не говорят плохого.

— О нём и не говорили, — сказал Владислав, — или ты накопал что-то?

— Накопал, вот несколько реплик по его поводу со стороны тех, кто знал его и работал с ним. — Савелий открыл папку, лежащую на столе, и зачитал: — “...произвёл на меня впечатление человека заносчивого и чрезвычайно конфликтного. То есть, по-моему, ему нетрудно было нажать смертельных врагов. Его поведение чем-то напоминало поведение Валерии Новодворской, он постоянно искал конфликтов...”

— Это действительно так, но сие не причина, чтобы быть убитым. Спустя год после убийства, а потом чуть позже по Одессе прокатилась волна под названием “Кто хочет выгородить убийц Бориса Деревянко”.

Владислав достал из портфеля папку, открыл её, пробежал глазами по первой странице, а потом переложил один лист, второй...

— А, вот то, что надо... “Подозреваемые решили отказаться от своих показаний...”

— Ну, и это не ново, — сказал Савелий, — однако существуют протоколы следственных действий.

— В том-то всё и дело, — возразил Владислав, — что исчезли документы, которые могли это подтвердить.

— Вот как?

— Трое из пяти подозреваемых заявили, что предыдущие показания были выбиты из них незаконными методами.

— Но по делам такого уровня всегда делается видеосъёмка?

— Такая съёмка есть, но тот, кто её делал, сознательно или по профессиональной небрежности нарушил процессуальные нормы, причём не только видеосъёмки, но и изъятия оружия... Дальше — больше. Выяснилось, что кто-то стёр видеосъёмку по воспроизведению показаний основного подозреваемого на месте преступления.

— Ну, здесь ещё проще, нужно установить тех лиц, которые имели доступ к делу.

— Эти полтора десятка томов несколько раз гуляли из прокуратуры в суд, и никто не сможет найти следов, тем более, что любое их обнаружение приведёт к тому, что кого-то надо будет обвинить, как минимум,

в халатности. Так, исполнитель стал утверждать, что именно следователь показал ему накануне эксперимента место убийства Деревянко. Он также стал отрицать свой приезд в Одессу 11 августа.

— Как его фамилия? — спросил Савелий.

— Давай назовём его условно Глюк.

— А почему условно?

— Потому что мы в Одессе, и здесь очень обидчивые люди. Расскажешь анекдот про Ничипоренко, все Ничипоренки у тебя во врагах.

— Понятно. И откуда всплыл этот Глюк?

— Ты правильно отметил, — сказал Владислав, — заказчик специально нанял бригаду киллеров из Приднестровья.

— Так кто этот таинственный Глюк?

— Мужик сорока лет, который занимался возвращением долгов с неаккуратных должников.

— И как его нашли?

— Почти случайно. Ещё один одессит заказал ему за пять тысяч баксов убийцу своего сына. Но Глюк перепоручил это дело подельнику за две с половиной тысячи. Подельника взяли. Он сдал Глюка, у того нашли четырёхзарядный пистолет, из которого был убит Деревянко.

— Но это косвенное доказательство.

— Да, но позже появились свидетели, которые утверждали, что Глюк хвастался кучей денег за убийство редактора в Одессе.

— И какова была сумма?

— Свидетели утверждают, что сумма была небольшой — десять тысяч долларов. Но большие чины из милиции говорят, что им известен и посредник, и заказчики и что заказчик выделил на это убийство сто тысяч долларов. И первые, и вторые сейчас за границей. Посредники — спортсмены, а заказчик... Заказчик известен только милиции...

— И почему их не арестуют, не привезут в Одессу?

— Как говорят милицейские боссы, “их задержание и доставка в Украину усложняется необходимостью межгосударственных согласований”. Городской председатель сразу же после убийства сделал заявление, что это убийство — заказ, что “ликвидирован” редактор “Вечёрки” по политическим мотивам. А один из друзей Деревянко высказал предположение, что его убили потому, что он намеревался выдвигать свою кандидатуру на выборах на пост городского головы.

— А раз так, он должен быть в контрах с действовавшим в то время головой, — констатировал Савелий.

— Да, поэтому на сегодня нам хватит разговоров. Дня через три я снова появляюсь здесь, а сейчас оставлю тебе некое заявление. Прочитай внимательно. Может быть, появятся какие-то идеи. Пойдём, окунёмся, и проводи меня до маршрутки.

К распаду Советского Союза Казимир Сигизмундович Семенович был заместителем заведующего лабораторией. Но рухнул Союз, независимая Украина сократила финансирование института. И Казимир Сигизмундович оказался на мели. Однако он не пропал, напротив, новый спрос на его профессиональные возможности сделал его почти единственным в Одессе специалистом профессии, которая имела название “геммология”. Именно к нему сегодня утром звонил бывший коллега по Океанографическому институту и просил принять его с экзотическим напарником.

Семенович к приходу гостей побрился и переоделся. И когда раздался звонок в дверь он, благоухая туалетной водой, пошёл открывать дверь. На пороге стоял крепкий парень лет двадцати пяти в белых брюках и белой полурукавке, а сзади него — бывший коллега Владик Самсонов, который строил Семеновичу глазки, давая понять, чтобы тот ничему не удивлялся. А удивиться стоило бы. На парне не было живого места — синий от наколок. Пальцы синели перстнями, на предплечьях красовались акулы и львы, из отворота рубашки торчал крест купола церкви, а шею оплетала змея,

чем-то похожая на ту, что изображают на эмблемах военных медицинской службы. Понимая замешательство Казимира, Владик представил гостя:

— Дмитрий...

Но гость, внутренне не согласившись с этим, протянул Казимиру руку и произнес:

— Митроха.

— Казимир Сигизмундович, — ответил Семенович и пригласил гостей в квартиру.

На журнальном столике стояла бутылка коньяка. Хозяин предложил гостям по рюмочке. Владик с радостью согласился, а Митроха спросил Семеновича:

— А ты?

— Я на работе не пью, — был ответ.

— Тогда и мы не будем, — сказал Митроха к явному неудовольствию Владика.

— Не будем крутить вола, — продолжил Митроха и уселся на стул возле журнального столика, затем вынул из нагрудного кармана некий камешек, завернутый в бумажную салфетку.

— Что это? — спросил он у Казимира.

— Изумруд.

Семенович взял со столика камень и подержал его в руках.

Прозвище “Топаз” Борис получил вскоре после того, как поступил в НГУ. Уже тогда он заинтересовался драгоценными камнями, хотя это и не входило в основной профиль его подготовки. Из трёх лидеров драгоценных камней он интуитивно выделил изумруд: алмаз не интересовал его бесцветностью, а рубин вызывал тяжёлые чувства, которые сравнимы с предчувствием конфликтов с другими людьми. Болезнь эта пришла к Борису внезапно, во время первого посещения музея Института геофизики в Новосибирске. Пока его сокурсники восхищались размерами золотых самородков, заключённых в прозрачные ящики-кассеты, он был заворожён камнями. И даже шутка, о которой знают все посещавшие музей новосибирцы и гости столицы Сибири, не тронула его. Звучала она так. Рассматривая самородки золота, посетители всегда задавали вопрос: “Сколько стоит?” И у экскурсоводов всегда был один и тот же ответ: “Десять лет колонии строгого режима”. Ответ с позиций юриспруденции, безусловно, безграмотный, но для обывателя весьма информативный.

Впоследствии жизнь и практика оторвали Бориса от объекта его интереса. После окончания универа он попал на службу в армию в качестве офицера-двухгодичника. Правда, служил недалеко от Новосибирска. Как говорили тогда, в огородах, в Пашино, был замкомроты в стройбате. Ну, а потом наступили времена, которые позже стали называть “безвременьем”. И в это безвременье Борис занялся разработкой технологии выращивания искусственных бериллов. Прежде чем перейти к практике, он решил изучить уже имеющиеся способы выращивания изумрудов. Затем начал эксперименты с так называемым питательным раствором для выращивания кристаллов. Исследовав все составляющие части, которые природа использует для выращивания изумрудов: бор, висмут, свинец, литий, никель, натрий, калий, молибден, вольфрам, ванадий, хром, фтор, кислород и воду, он сравнил их соотношение, которое, согласно статьям ряда исследователей на Западе, было в “синтетических” изумрудах.

Однако это ничего ему не дало. И тут он увидел, как один из его бывших коллег соорудил на даче устройство, отпугивающее крыс и кротов.

— Но оно воздействует и на людей, — сказал ему Борис.

— Конечно, оно воздействует на все растворы, на все жидкости. Поэтому я включаю его, когда уезжаю в город. А крысы и бомжи не в счёт.

— Да ты садист, батенька.

— Есть немного. Я ведь сажаю на даче растения не для крыс и кротов.

— Понятно. А как ты додумался до этого?

— А помнишь, теплофизики в Академгородке проводили эксперименты по разрушению бетонных фортификационных сооружений...

— А-а, — молнией пронеслось в мозгу у Бориса... И он перевёл разговор на другую тему.

После этого всё стало на свои места. Нужно было лишь проэкспериментировать воздействие на “питательный раствор” различных видов разрушительных излучений. Что должно было не только в несколько раз увеличить скорость выращивания кристаллов, но и создать новое их качество, как надеялся Борис, приближенное к природным. Уже тогда он понял, чем отличается природный процесс от искусственного. В природе нет правильности, линейности, симметричности и соразмерности. Поэтому её невозможно повторить, и приблизиться к ней можно, только нарушив все принципы выращивания искусственных изумрудов. Но без этих принципов нет технического движения. Как разорвать этот круг, он тогда не знал.

Для работы нужна была экспериментальная база. И Борис пошёл на поклон к денежным людям. Толя Курлов оказался одним из таких. Борис выбрал его по двум причинам. Толя не относился ни к бандитам, ни к спортсменам и в своё время учился в Новосибирском универе. Посему найти с ним общий язык было проще, чем с другими. Однако с партнёрами дело шло туго. Борис не мог доверить никому свою святую тайну, а именно то, как он может создать искусственный берилл, почти похожий на природный.

И тут Борису позвонил Заборток, предложил встретиться. Борис ехал в Академгородок и думал о том, что с Забортком его судьба разбросала в восьмидесятых. После окончания вуза их обоих пригласили, а проще сказать, вызвали в военкомат Советского района и сказали, чтобы они ждали повесток. Но Заборток увернулся от призыва, так как за него заступился его научный руководитель. С тех пор судьба их развела, они никогда и нигде не встречались, даже на встречах выпускников...

Заборток ждал его у входа в Дом учёных. Он провёл Бориса в ресторан и за ужином сообщил:

— Есть исследования по выращиванию изумруда из раствора в расплаве, но не для получения драгоценных камней, а для использования в лазерах для микроволновой связи. Так вот, если попробовать использовать плавни вольфрамата лития, молибдата свинца, вольфрамата свинца и пятиокси ванадия, то...

— То может возникнуть структура, приближённая...

— Молодец, но всё это я дарю тебе, *безвозмездно, то есть даром...*

После этого всё закрутилось так, что только успевай поворачиваться. В одном из заброшенных помещений бывшего оловозавода Борис разместил свой экспериментальный участок. Нанял охрану и одного технолога, который должен был отслеживать последовательность операций. Но на третий день экспериментов к нему нагрянул ОМОН и пришлось месяц отписываться, что участок — не лаборатория для производства наркотиков.

На этот случай Курлов прислал ему своего начальника службы безопасности и, в традициях первого отдела, залегендировал производство. Теперь в документах оно значилось “экспериментальным участком по производству оловопокрытия для корпусов элитных автомобилей”.

Так продолжалось два года, и Борис вдруг понял, почему были правы Заборток и Курлов. Потенциал его участка для опытов было мал. Чтобы получить результат, нужно было либо увеличить количество таких участков в несколько раз, либо ждать десятилетия, чтобы нужный результат всё же появился.

И тут случилось непредвиденное. Измотанный работой по двадцать часов в сутки, Борис решил отдохнуть. Он купил путёвку в Белокуриху и уехал на целых двадцать дней. Вернувшись, ужаснулся. Оказывается, в эти дни были отключения электроэнергии, но его технолога на работе не оказалось, так как он ушёл в тяжёлый запой. Охрана честно несла службу, но она не понимала тонкостей процесса.

Технолога Борис уволил. Курлову сказал, что эксперимент с очередной партией провалился. А тот намекнул ему, что пришли трудные времена и финансирование, видимо, придётся свернуть.

Борис огорчился, но в меру. Прекратив подачу энергии на “тормошение” “питательного раствора”, он слил его и увидел россыпь довольно крупных кристаллов с удивительно нежным зелёным цветом. Как настоящий геммолог, выждал некоторое время и взялся исследовать полученные кристаллы всеми известными способами. Результаты поразили его: совершенно случайно эти веерные отклонения создали ситуацию, при которой воздействие на рост кристаллов было таким же случайным, как и в природе, но в сочетании с высокочастотным “тормошением” — более быстрым. Борис занялся расчётами, чтобы повторить эксперимент, но потом понял, что такого рода случайностей больше не будет.

Он поблагодарил Курлова и Забортка за оказанное ему содействие, оставил оборудование спонсору и на какое-то время притих. Однако зуд проверки результата заставил Бориса отдать пару кристаллов на экспертизу. Нашлись люди, которые внимательно следили за подобными вещами. Они соотнесли его работу на участке по производству оловопокрытия с наличием у него камней, и на Бориса “наехали” “синие” левобережья. Предьява была конкретной.

— Добыл кристаллы на нашей территории — плати, — сказал ему невысокий шплинт.

Но Борис тоже был не лыком шит.

— Кого представляешь? — спросил он.

— Карлагу.

— Вот с ним и буду говорить

На удивление, Карлага не заставил себя долго ждать. Он пришёл к Борису на квартиру один, оставив охрану на улице.

— Предьяву получил? — начал он без долгих вступлений.

— Да, — ответил Борис, — но требуются некоторые уточнения.

— Ты делаешь изумруды и торгуешь ими на нашей территории — плати.

— Я уже их не делаю, — сказал Борис. — Мощностей, которые у меня были, не хватает. Но у меня действительно удачной была последняя партия...

— Это я знаю, — сказал Карлага.

— Я могу её отдать тебе, — сказал Борис.

— Нашёл дурака! Я консультировался со специалистами. Её не продашь...

— Ну, сейчас не продашь, а завтра...

— Век бандита короток, — сказал, как отрезал, Карлага. — Ты мне должен. Плати. Даю тебе на раздумья три дня.

— Хорошо. Однако у меня есть условие.

— Какое?

— Кто меня сдал?

— Это выполнимо, — сказал Карлага.

— И дело по камням я буду вести только с тобой.

— И это возможно.

— Значит, договорились?

— Да. Сдал тебя твой технолог, а дело ты действительно будешь иметь только со мной.

Вот тогда-то Борис и отправился к Чилиндре.

Олесь проснулся рано и слышал, как во дворе хлопчет хозяйка, но выходить не стал. Дождался, пока она уйдёт на работу. Затем принял душ, побрился, взял удочку и вышел из дома. Пёс, увидев его, полаял для приличия и замолк.

Конечно, Олесь не стал искать места, где местные рыбаки копают червя. В его пакете дожидался десяток блёсен, от традиционных металлических до современных синтетических, весьма похожих на настоящую рыбку. Он самостоятельно вышел на берег водоёма, выбрал нетопкое место. Разобрал удочку, прицепил блёсенку и стал кидать. Поначалу это у него плохо получалось. Но, как человек координированный, он вскоре приловчился бросать довольно далеко и уже с неким наслаждением вращал катушку удилица.

Прошёл час, другой. В пакете не появилось ни одной рыбки.

— “Пришёл невод с морскою травою”, — произнёс Олесь вслух и стал собирать удочку.

Становилось уже довольно жарко. Он зашёл в магазин, купил хлеба, рыбных консервов, пару помидоров, сыра и вернулся домой. Пёс встретил его почти дружелюбно. Олесь открыл дверь в свою комнату и проверил, на месте ли контрольная соринка. Она оказалась там, где он её оставил. Значит, в его вещах никто не копался. Принял душ, потом одновременно позавтракал и пообедал.

Итак, он “объявил” окружению, что пробудет здесь пять дней, а если понравится, то и все восемь. Если за ним уже установлено наблюдение, то наблюдатели некоторое время буду сомневаться, он ли разыскиваемый диверсант. Ведь кураторы из Киева сообщили другие данные. И параллельно с работой по нему его коллеги будут отслеживать того, кто должен прибыть под указанными установочными данными. А значит, нужно себя проявить так, чтобы у ловцов диверсантов почти не осталось сомнений. Почти, потому что сомнения должны быть, иначе на него будут брошены все силы и средства. Одиночка имеет преимущества до тех пор, пока он не установлен или у тех, кто его ищет, есть сомнение в том, что именно он объект розыска.

Значит, нужно обострять обстановку. Олесь вспомнил весь вчерашний день и пришёл к выводу, что это можно сделать только в одном месте. На часах было начало третьего. Нужно было как-то убить время.

В белых брюках и такой же ослепительно белой майке он вышел из дома и направился на рынок. Поболтавшись там без дела, зашёл в кафе, демонстративно заказал себе бокал сока и стал рассматривать девиц в компании, лидером которой был Горби. В кафе, кроме завсегдатаев, было ещё несколько человек, среди которых выделялся мужик в майке под тельняшку и огромной золотой цепью на шее. Его спутница выглядела вполне нормальной девицей, на ней даже не было косметики. И если все другие посетители испытывали определённый дискомфорт от агрессивности, исходящей от компании Горби, то эта пара чувствовала себя как дома.

На этот раз Горби расположился как обычно, спиной ко входу и не видел Олесь, но паренёк, сидевший напротив него, тут же доложил, что в кафе появился чужак. Однако Горби не сразу переключился на чужака, он вёл разговор с одним из своих приятелей в том же духе, что и вчера...

— А чо ты, чо?

Приятель пытался оправдаться, но говорил тихо, как и положено вассалу.

— И всё? — заключил Горби.

И только после этого Горби обернулся и осмотрел зал. Появление чужака, да ещё заказавшего себе сок, не могло пройти незамеченным. Горби, как настоящий вожак стаи, тут же принял вызов. Но сразу ввязываться в конфликт самому было не по статусу, и он послал к Олесю одного из своих приятелей-“шестёрку”. Тот подошёл за столик к чужаку.

— Откуда, здоровяк? — спросил он Олесь.

— Из Киева, — ответил Олесь.

— Плати дань, раз из Киева.

— Кому? — спросил Олесь.

— Ему, — “шестёрка” указал пальцем на Горби.

— Годится, — ответил Олесь, — скажи, чтоб вышел за кафе...

“Шестёрка” поднялся со стула и вернулся к Горби. И хотя разговор между Олесем и “шестёркой” происходил вполголоса, все в кафе понимали, о чём шла речь и каким будет продолжение. Некоторые с сочувствием смотрели на Олесь.

Горби демонстративно поднялся со своего стула и двинулся к выходу из кафе, за ним потянулась вся его когорта, за исключением трёх девиц, которые остались сидеть за двумя сдвинутыми столиками, причём они вели себя так, как будто всё происходящее их не касалось.

Олесь пошёл следом. За зданием кафе его уже ждало каре из приятелей Горби. В центре его стоял сам вожак. Олесь медленно подходил к нему, понимая, что долго возиться с ним нельзя, кто-то из приятелей может нанести

удар сзади. Но Горби сам помог ему. Он сделал зверскую рожу и после такой психической атаки бросился на Олесь. Если такого бугая поймать в нужной точке, то здесь, как и при столкновении двух встречных автомобилей, происходит сложение скоростей и сил. Прямой удар в голову на какое-то мгновение остановил и ошелолил нападающего. Однако Олесь не стал ждать, пока Горби упадёт, два боковых в голову окончательно добились противника. Горби опустился на землю, и было понятно, что он в глубоком нокауте.

Олесь резко повернулся к одному из приятелей Горби:

— Быстро вызвал “скорую”! Его ещё можно спасти.

После этого он оглядел присутствующих, словно выбирая, кого бить следующим. Но те сориентировались правильно, переключив всё внимание на лежащего на земле Горби. Олесь оставил кодлу реанимировать своего лидера и вернулся в кафе.

Его появление вызвало оживление. Девушки за столиком Горби мгновенно вспорхнули и побежали к выходу. Остальные посетители смотрели на него, и в глазах их были чувства удивления и восхищения. Олесь уселся за свой столик, допил сок, оставил на столе несколько гривен и покинул питейное заведение культурного отдыха жителей посёлка Маяки...

Капитан Старостенко предыдущую ночь почти не спал. Тот парень, которому сдала квартиру Валентина по наводке бабы Одарки, оказался каратистом. Это было понятно козе... После того, как он вырубил местного придурка и племянника хозяина кафе по кличке Горби, многое стало на свои места. Многое, но не всё. Босс, с которым Старостенко говорил по телефону, не разделял его уверенности.

— Ну, и что, что он каратист? Сейчас, куда ни плюнь, одни каратисты и специалисты по боям без правил.

— Да и возраст совпадает...

— И это не показатель, у того другие установочные данные, ты полагаешь, что наши друзья из Киева могли ошибиться?

— Ну, всякое может быть.

— Может, но не в этом случае. И чего ты хочешь?

— Пришлите двух “отошников”, я организую ему поездку на озеро, а они проведут мероприятие.

— Но тогда тебе придётся выходить на местных?

— Выйду, объясню это тем, что в поле зрения попал тип, похожий на объект розыска, и он приехал в Беляевку порыбачить.

— Ну, давай, что ещё?

— Звонок начальнику местного отделения о том, что мне нужна помощь.

— Хорошо, уже делаю.

После разговора с начальством Старостенко пошёл к коллегам из местного отделения СБУ и заявил, что объект розыска в возрасте чуть менее тридцати лет приехал сюда на рыбалку, а поскольку человек этот осторожный, весь возможный компромат он возит с собой. Но есть вещи, которые с собой не унесёшь. И...

— Всё понятно, — ответили ему коллеги...

— Отлично, — сказал Старостенко, — вот его приметы, вот его установочные данные, а я в Одессу, за специалистами.

“Отошников” (специалистов из отдела таможенного оформления) Старостенко привёз только к утру. Он разместил их в комнате отдыха местного отделения СБУ. Дождался, пока сотрудники придут на работу. А надо сказать, что коллеги даром хлеб не ели. Они дали Старостенко полный расклад по объекту розыска. Выходило, что объект остановился у некоей Валентины Спиридоненко, заплатил за пять суток и планировал остаться ещё на трое, если ему тут понравится.

— Отлично, — сказал на это Старостенко, — работаем по хозяйке.

Проводив Олесьа на рыбалку, Валентина занялась уборкой дома, но зазвонил телефон.

— Спиридоненко? — спросил голос в трубке.

— Да.

— У вас спор с соседями по поводу границ вашего участка? Подходите прямо сейчас в сельраду, может случиться так, что этот спор разрешим прямо здесь, а не в суде.

Звонок обрадовал Валентину: свара с соседями из-за забора, который они перенесли полгода назад, её тяготила. Она быстро переоделась и вышла из дома. Шла по улице и даже не обратила внимания на стоящий в квартале от её дома автомобиль с тонированными стеклами. Сидевшие в машине Старостенко, сотрудник местного СБУ и “отошники” проводили Валентину взглядом. Они были заняты разглядыванием схемы расположения комнат в доме Спиридоненко.

Валентина пришла в сельраду, где прямо у входа её встретил мужчина в приличном костюме. Лицо его показалось Валентине знакомым. Мужчина долго слушал Валентину, вникая в суть её тяжбы с соседями. А потом он вообще отклонился от темы разговора:

— Вы сдаёте комнаты приезжим? — спросил мужчина.

— Да.

— А если ко мне приедут друзья на выходные из Одессы порыбачить, во сколько им это обойдётся?

— Думаю, они не обидятся, — сказала Валентина.

— Буду иметь вас в виду. — сказал мужчина и вышел из комнаты. Он вернулся через четверть часа.

— Что-то ваши соседи нас игнорируют, поэтому приношу вам свои извинения, хотели, как лучше... Ещё раз извините и нас, и их... В качестве компенсации я отвезу вас домой на машине, заодно и комнату посмотрим...

Валентина, которая разозлилась на пустой вызов в сельраду, успокоилась и согласилась. И через пятнадцать минут они оказались в доме Спиридоненко. Там всё было, как прежде, лишь пёс не бросился лаять на чужака, а только захрипел из будки. Но хозяйка не обратила на это внимания. Она показала гостю комнаты, назвала цену, и они расстались.

А в это время Старостенко звонил по спецсвязи в управление СБУ.

— Ну, — спросил его начальник, когда соединение произошло, — обнаружил у него в вещах что-то похожее на закладки?

— Нет, — ответил Старостенко.

— Ну, вот видишь.

— А может, их и не должно быть.

— Должно, должно быть, — повысил голос начальник, — потому что именно этими муляжами доказывается, что диверсант смог проникнуть на объект и прикрепить их там. У меня даже описание их появилось. В общем, так, кооперируйся с местными и поднимай всё, что можешь. Диверсия будет в ближайшие три дня.

— Почему три?

— Потому что у этого парня командировка на пять дней без дороги.

На следующий день Савелий пришёл с пляжа, принял душ и в предвкушении обеда растянулся на кровати. Заглянул сосед.

— Как насчёт вечера? — спросил он.

— Всё как обычно.

— Значит, гостей у тебя не будет?

— Не будет, — ответил Савелий и только тут вспомнил про оставленные Владиславом материалы. Начал с “заявления”.

“Заявление мэра Одессы Эдуарда Гурвица в связи с убийством главного редактора газеты “Вечерняя Одесса” Бориса Деревянко. Сегодня Одесса простилась с Борисом Фёдоровичем Деревянко. Стало меньше на одного одессита, страстно любившего за свой город, за всё, что с ним связано. Городской совет потерял депутата. Все эти утраты — ничто в сравнении с тем, что мать потеряла сына, дети и внуки — отца и деда, семья — главу...” Далее “заявитель” перекладывал ответственность за убийство на правоохранительные органы, поскольку они не раскрыли ни одного заказного убийства и тем самым способствовали расцвету данного вида преступлений. Заканчивалось заявление

словами: “Сознаюсь честно, у меня к поимке убийцы Деревянко есть личный интерес. Я хочу знать, кто и почему так ненавидит Одессу, что решился на это кровавое преступление. Вспомним старую истину — если от острова или от материка откалывается часть суши, то меньше становится вся Земля. И если не станет одного человека, то меньше становится всё человечество и убывает от каждого из нас. И если в вашем доме есть чарка водки, помяните человека Бориса Фёдоровича Деревянко. Пусть будет ему цухом земля”.

Савелий дочитал, немного подумал, сходил на обед, а потом взял карандаш и стал вычитывать текст, помечая отдельные моменты на полях. Самое удивительное, что вечером он встретил Афанасьича.

— Как твой гость? — спросил тот.

— Нормально, — ответил Савелий.

— Ну-ну, — сказал Афанасьич.

Этим вечером Савелий отказался идти играть в бильярд с соседом, заперся на ключ в своей комнате и приступил к чтению “материалов” — ксерокопий газетных публикаций, материалов уголовных дел и, что самое интересное, — досье на крупных фигурантов в окружении одесских руководителей. Складывалось впечатление, что кто-то собирал всё это для себя, но потом понял, что ему не удастся опубликовать собранное в Одессе, и решил отдать всё в руки человека, который сможет это сделать в другом месте.

Первой была бумажная папка с надписью “Гурвиц”. Начиналась она нарезками статей “Эдуард Гурвиц — политический и уголовный портрет” и “Знакомьтесь! Эдик — прораб из Одессы”. “Хорошие названия для статей о главе города”, — подумал Савелий. Первая статья начиналась словами “Без сомнения, Эдуард Гурвиц является одним из самых колоритных народных депутатов из окружения Виктора Ющенко. Он является эссенциальным образцом знаменитых одесских анекдотов и не менее знаменитых рассказов Бабеля. Он остроумен, эрудирован, имеет огромное количество связей, причём не очень переборчив в них... Короче говоря, Эдуард Гурвиц — настоящий сын коренной одесской народности, которая ведёт свои корни от Моисея, в нём присутствуют только семитские корни”.

“Я бы написал — не очень разборчив”, — на автомате подумал Савелий.

“Эдуард Гурвиц — личность довольно известная среди любителей скандалов, и не только в Одессе. Так, политические оппоненты активно рассказывают каждому, у кого есть уши, о том, что Гурвиц является агентом израильских спецслужб. Более того, общий агентурный стаж начался у нардепа ещё во времена учёбы в институте, когда он был завербован КГБ и проходил под кличкой “Весёлый”. Но это только говорят. А вот и реальные факты. Именно Эдуард Гурвиц усадил (при помощи ОМОНа) в кресло руководителя Черноморского морского пароходства Павла Кудюкина, который сам по себе является страницей в новейшей истории организованных преступных групп в Украине и с которым связаны грандиознейшие скандалы”.

Затем на десяти страницах перечислялись преступления Гурвица.

После этого шло досье на родителей Гурвица, в котором автор не преминул упомянуть судимость отца и девять лет лагерей по статье 58 пункт 6 — “шпионаж в пользу иностранного государства”. А также перечислялись криминальные группировки, с которыми фигурант продолжает поддерживать постоянные контакты, чтобы использовать их членов для актов устрашения и физического устранения конкурентов, неугодных политиков, журналистов и предпринимателей.

До Одессы Борис добрался без приключений, правда, спать приходилось вполглаза — там, в рундуке, лежала партия искусственных изумрудов, продаваемые которые можно купить океанский танкер, разумеется, если продавать их по цене изумрудов природных. Нужный телефон сначала молчал, а потом абонент вообще его отключил, давая понять, что либо не может, либо не хочет говорить. И тогда Борис разыграл резервный вариант. Саба должен был свести его с Сашей Дерибаном. А что, если связаться с ним по-другому? Он вложил записку Дерибану в бумажник и спровоцировал его кражу на рынке. Осталось ждать.

Но прошло уже три дня, и никто не беспокоил его. На четвёртый день, возвратившись с утренней прогулки, Борис открыл дверь в номер гостиницы “Чёрное море” и увидел там парня, который по-хозяйски расположился на диване. Белые брюки, полурукавка, из-под которой торчали татуированные кисти и предплечья. На шее накладка в виде толстой паутины.

— Ты писал Дерибану? — спросил он вместо приветствия.

— Я, — ответил Борис.

— Откуда знаешь?

— Люди подсказали.

— О чём хотел сказать?

— Скажу только ему.

— Да, в общем, и так понятно, собирайся и зелень захвати...

— Она в другом месте...

— Ну, как знаешь... Меня Митрохой зовут, поехали...

Ехать пришлось долго, правда в авто работал кондиционер. Выехали за пределы Одессы, подкатили к какому-то посёлку, пахло прохладой моря. С лёту заехали на какую-то дачу. Митроха галантно распахнул дверцу автомобиля и проводил Бориса внутрь большого строения, не то дачи, не то офиса, выстроенного по типу шале. В огромном холле на белых кожаных диванах сидели двое. Кто из них Дерибан, было понятно с первого взгляда по той устойчивости, которую просто излучала его фигура. Второй, наоборот, чувствовал себя не в своей тарелке, хотя и пытался держать марку и выглядеть спокойным.

Митроха кивнул Борису на противоположный диван, Борис сказал:

— Добрый день, — и уселся напротив хозяев.

— Ты кто? — бесцеремонно спросил его тот, в ком он видел Дерибана.

— Борис.

— А масть?

— Я в мастях не силен.

— Откуда Шарика знаешь?

— Братва в Новосибе подсказала.

— А братва каким боком?

— Опекала меня...

— Вот он, — Дерибан кивнул на второго, — крупный спец по камешкам, хочешь узнать, что он говорит?

— Хочу, я тоже спец не маленький, — произнёс Борис, осознав роль второго.

— Как вам это удалось? — спросил второй.

— Что вы имеете в виду?

— Создать такой берилл.

— Его создала природа.

— Нет, он слишком правильный, чтобы не быть фальшивым.

— Вы хотели сказать — синтетическим?

— Да.

— Какие параметры привели вас к мысли, что...

— Он слишком похож на природный.

— Хватить зубатиться, — сказал Дерибан. — Чего ты хочешь? И почему вышел на меня?

— Братва в Новосибе полагает, что у тебя есть канал через границу в Измаиле.

— Это они из Новосиба увидели?

— Как они увидели, я не знаю, говорю то, что слышал.

— И что потом?

— Мы продаем тебе партию, ты переправляешь её через границу, получаешь сверхприбыль.

— Сверхприбыль, — сказал Дерибан, — можно получить, если количество этапов до реализации за полную стоимость не больше трёх. Мы такой возможностью не располагаем.

— Очень жаль, — сказал Борис, — братва говорила о твоих уникальных возможностях проведения первого этапа. Он для тебя фактически бесплатен, а значит, и разница от вырученных денег будет значительной.

— Бесплатен, бесплатен, — пропел Дерибан. — Казик, иди во двор.

Поговори с гостем, а мы тут перетрём эту тему.

Казик, а это был спец, с готовностью вскочил с дивана и рукой предложил Борису следовать за ним.

— Что скажешь? — произнёс Дерибан, когда Борис и Казик ушли.

— Надо посмотреть всю партию.

— А где она?

— Как говорит гость, в надёжном месте.

— В Одессе есть такие места?

— Он так считает.

— Давай калькулятор. Во сколько раз они дороже алмазов, он сказал?

— Десять тысяч фунтов стерлингов за карат. А этот камень примерно пять каратов. Умножай на пять — пятьдесят тысяч.

— А фунт к зелёному — это, примерно, один к полутора... Где-то тридцать три тысячи зелёных. А сколько у него таких камней?

— Больше двух сотен... Итого больше шести миллионов шестисот долларов.

— Не слабо...

— Но это если оценивать их как природные...

— Да понятно. Короче, сколько он хочет?

— Миллион.

— Даём триста тысяч, и это окончательная цена, но после проверки всей партии...

— Само собой...

Пока Дерибан перетирал тему с Митрохой, Казик во дворе атаковал Бориса.

— Таковую партию невозможно продать, — сказал он. — Все камни, конечно, похожи на природные, но они очень похожи и друг на друга, а в природе так не бывает.

— Из этой ситуации есть элементарный выход: смешать их с природными камнями. Я вам предлагаю бериллы по бросовой цене. Вы отказываетесь, я иду к другим покупателям. Но мне непонятна ваша логика — “он слишком похож на природный, чтобы быть природным”.

— Да чего уж тут не понять! Когда все камни очень похожи на природные, значит, они фальшивые, то есть искусственные.

Дверь коттеджа отворилась, и Митроха небрежно пальцем поманил внутрь строения Казика и Бориса. Через минуту все четверо снова сидели на белых кожаных диванах.

— Мы тут посоветовались, — сказал Дерибан, — и я решил: Казик смотрит всю партию, и мы её берём за триста тысяч зелёных.

— Ну, хотя бы за пятьсот, — сказал Борис, — ведь столько было вложено.

— Больше не дадим, — отрезал Дерибан...

— Мне надо подумать.

— Думай, но не более суток...

Митроха привёз Бориса в гостиницу “Чёрное море”. Они стали по лестнице подниматься в номер...

— Ты что, остаёшься у меня? — спросил Борис.

— Ну да, Дерибан сказал, чтобы с твоей головы ни один волос не упал...

— Понятно. И спать будешь у меня в номере?

— Ну да, на диване, ты не беспокойся, у меня нормальная ориентация.

— Это радует... Слушай, а кто такой Шарик?

— Не произноси это имя всуе...

— Понял, а он сейчас в Одессе?

— Нет, в Германии, но на киче...

Борис открыл ключом дверь номера и остолбенел: дверцы тумбочки, где находился небольшой металлический сейф, были открыты, а сам сейф взломан. Видимо, кто-то очень сильный загнал что-то вроде гвоздодёра в щель между дверкой и корпусом и просто вывернул её наизнанку...

— Твою мать! — выругался Борис.

— Да уж.

— Что будем делать?

— А ты что, тут их хранил, что ли?

— Нет, но...

— Понятно. — Митроха набрал номер Дерибана. Поговорив с шефом, он обратился к Борису:

— Где партия?

— В другой гостинице.

— На Дерibasовской? Едем.

Митроха заказал такси, и через полчаса они были на Дерibasовской, 27. В номере, который снял Борис, они застали такую же картину. Словно кто-то одним и тем же инструментом и одним и тем же способом, как консервную банку, вскрыл оба гостиничных сейфа.

— Будь здесь, а я сметаюсь к Дерибану.

— А как же волосы на моей голове?

— Сейчас они вне опасности. Ты лучше подумай, как тебе за сейф не платить...

Митроха ушёл, а Борис спустился на первый этаж и сообщил администратору о том, что в его отсутствие кто-то побывал в номере.

— Не может быть, — сказал администратор и пошёл с Борисом наверх.

Увидев раскуроченный сейф, он выругался:

— Давно у нас ничего подобного не было! У вас что-нибудь пропало?

— Да, записка от жены.

Но администратор тоже не первый день работал.

— Звоним в полицию?

— Нет,

— Почему?

— Вскроется, что я такую записку имел, — сказал Борис.

— Ценю ваш юмор, — сказал администратор.

— Мне, пожалуйста, расчёт.

— Спускайтесь вниз...

К удивлению Бориса, внизу его встретил Митроха.

— Босс сказал, чтобы мы ехали к нему вдвоём.

Через час они снова были в офисе с диванами из белой кожи. Дерибан сидел на своём месте, а напротив него расположился Казик и вдохновенно читал лекцию об изумрудах, плохо понимая, почему его вдруг вернули к Дерибану и почему у того вдруг проявился искренний интерес к зелёным бериллам.

— Инки высоко ценили изумруд. В Перу обожали большой изумруд в виде страусиного яйца под именем Богини Изумрудной и показывали его только в торжественные дни. Индейцы со всех сторон собирались увидеть сей обожаемый ими камень и приносили оному в дар мелкие изумруды как дочерей этой богини. Испанцы по завладении Перу нашли все эти камни, но саму Богиню не нашли.

Дерибан, увидев Митроху и Бориса, кивнул им на диван. Казик продолжал:

— Самый большой в мире кристалл изумруда был найден в Колумбии в 1969 году и имел массу 7025 карат. Был, правда, ещё и “Изумруд Кокovina” — сросток кристаллов, хранящийся в Минералогическом музее Российской академии наук, его масса более двух килограммов. А...

— Ну, хорош, — прервал Казика Дерибан. — Где партия?

Следующий день начался для Олеса неожиданно. К нему приехал мужик, которого он видел вчера в кафе с девушкой. Он без церемоний протянул Олеся руку:

— Коля, погоняло Канал. Ты вчера сделал то, что хотел бы сделать каждый в посёлке. Мы с сестрой приглашаем тебя на рыбалку.

Сестру Канала звали Нина, она работала смотрителем фондов в музее очистительной станции. У Канала имелся свой катер, и они покатались по Днестру, посмотрели место забора днестровской воды на станции, причём

Канал тут же стал рассказывать, что именно с этой стороны станцию не охраняют, поскольку каждого, кто попытается туда проникнуть, придавит поток воды к сетке, и он умрёт от асфиксии. Не веря своей удаче, Олесь попросился на экскурсию в музей.

— Нет проблем, сделаем это вечером, — сказала Нина.

Вечером автомобиль Канала привёз их к проходной станции. Нина попросила Олесья подождать в машине, сходила на проходную и вернулась минут через пять.

— Сняла с сигнализации, — пояснила она.

— Мне вас ждать? — спросил водитель.

— Нет, — ответила Нина, — езжай домой, мы доберёмся пешком.

Она открыла дверь музея ключом и тут же закрыла дверь изнутри.

— Тебе не нагорит? — спросил Олесь, который к концу дня перешёл на “ты” и с Колей, и с Ниной.

— Нет, мы иногда для особо важных гостей устраиваем экскурсии ночью.

— А что так?

— Это если днём они заняты, да и на улице невероятная жара. В общем, ты уже понял, что в Одессе нет собственной воды, и во второй половине девятнадцатого века по заказу Российского правительства англичане стали строить насосно-фильтровальную станцию в посёлке Беляевка. Станция несколько раз модернизировалась, в том числе и в советские времена. — И Нина заученными словами стала рассказывать о том, как росла мощность станции.

— Нина, от твоих цифр у меня крыша едет. Лучше скажи, сейчас станция государственное предприятие или частное?

— После распада СССР был создан Одессводоканал, но пять лет назад весь имущественный комплекс его передали в аренду на сорок девять лет обществу с ограниченной ответственностью “Инфокс”.

— И как это общество обеспечивает безопасность функционирования станции?

— Тебя это интересует с каких позиций?

— С позиций каскадёра.

— Ну, если с этих, то существует охрана, и на территорию станции посторонним вход воспрещён. Вот, смотри на этот макет. На станции около семидесяти фильтрационных установок, самыми производительными являются вот эти. А сама фильтрация осуществляется путём прохода речной воды из Днестра через слои песка с промежуточным отстаиванием взвесей в отстойниках, с добавлением реагентов-коагулянтов. Потом полученная чистая вода обеззараживается введением жидкого хлора.

— Господи, и здесь хлор, — деланно возмутился Олесь.

— Это не тот хлор, о котором ты думаешь, его концентрация выдерживается на заданном уровне с помощью системы автоматического дозирования. Обеззараженная вода подаётся пятью насосными станциями в Одессу.

— А это что за манекены? — спросил Олесь.

— Это униформа работников станции. С передачей водоканала в частные руки фирма стала одевать работников в разные виды спецодежды. Это — ремонтники, это — эксплуатационники, а это — охрана.

— Да, — заметил Олесь, — у охраны форма, как у американских полицейских.

— Что-то вроде, просто начальник охраны у нас жил раньше в США.

— Ну, тогда всё понятно. А что-то вроде рест-рум у вас есть?

— Есть, я владею английским, вот мужское отделение, а рядом — женское.

— Вы позволите, на десять минут?

Олесь зашёл в мужскую комнату и прислушался. Как он и предполагал, Нина сделала то же самое, так как он услышал звук захлопнувшейся двери. Он быстро выскочил, ринулся к окнам, которые выходили на территорию станции, отодвинул щеколду, запирающую створку ставни. А чтобы окно случайно не открылось, засунул между рамой и ставней зубочистку, с удовлетворением отметив, что со стороны станции сигнализации на окнах нет.

Быстро вернувшись в мужскую комнату, Олесь дождался стука дверей женского отделения и тоже вышел в зал с экспонатами.

— У меня столько впечатлений за день, что я боюсь не уснуть сегодня ночью.

— Всё будет с точностью до наоборот. Сейчас я провожу тебя до квартиры, и ты уснешь как убитый. Завтра я на работе, а послезавтра...

— Отличная идея, встречаемся послезавтра...

Замглавы администрации Беляевского района, украинец по рождению, носил русскую фамилию Васильев. Однако по фамилии к нему никто не обращался, а звали его уважительно Аверьяном Семёновичем. Был он из бывших военных, которые в девяносто втором решили оставить службу, потому что вокруг происходило что-то малопонятное. Военные, которых раньше называли “защитниками Родины”, вдруг стали “паразитами на теле народа”. Васильев уволился в запас и вернулся к себе на родину, в посёлок Беляевка. Здесь он какое-то время работал тренером в ДСШ, а потом во время выборов компаний показал себя хорошим организатором и уравновешенным человеком, что было немаловажно, особенно в начале девяностых, когда процент истериков, психопатов, а то и просто шизофреников, рвущихся во власть, зашкаливал.

Так Аверьян Семёнович стал заведующим организационным отделом администрации, а потом и первым замом главы. Каждый вечер, где-то около восьми вечера он в своём кабинете подводил итоги дня и смотрел, что ему нужно сделать завтра в первую очередь. Вот и вчера ему позвонили из Института государственного управления и попросили ознакомить гостя из Москвы с процессом руководства районом, плюс показать ему достопримечательности Беляевки.

— Покажем, покажем, — ответил Аверьян Семёнович, хотя голова его была занята другим. Вчера в Беляевке случилось ЧП поселкового масштаба. Кто-то из приезжих поколотил Горбача. А надо отметить, что Горбач, он же Горби, являлся местной достопримечательностью. Нельзя сказать, что полный отморозок. В детстве рос вполне нормальным мальчишкой, если бы в начале девяностых к его отцу не приехал двоюродный брат из Херсона. Брата звали Шамиль, но фамилия Таранян. Такие несочетаемые имя и фамилия, казалось, не давали их носителю шансов на жизненный успех. Хотя смотря, что понимать под таковым.

Поначалу ничего не предвещало беды. Брат занялся коммерцией, но быстро прогорел. Тогда он попытался стать смотрящим от одесских “жуков” по Беляевке. Но и тут ему не хватило то ли куража, то ли некоего авторитета, которым должен обладать смотрящий за той или иной территорией. Однако, поварившись в криминале и рядом с криминалом, он приобрёл нужные связи, купил кафе возле рынка и стал успешным ресторатором. Так, во всяком случае, он себя называл. Правда, злые языки утверждали, что весь его доход — вовсе не от деликатесных блюд и варёных раков, которые в кафе подавали к пиву особо дорогим гостям, а от неких пожертвований, которые вносили в кассу кафе, а точнее, в карман хозяина карточные игроки, приезжавшие ночью из Одессы в Беляевку поиграть.

Что касается племянника по кличке Горби, то дядя сначала взял его на работу в должности официанта, но потом понял, что тот распугает всех нормальных посетителей, и перевёл его в администраторы. Горби весь день оклачивался в одном из залов кафе. Иногда к нему приходили друзья и подруги, но сие не возбранялось, поскольку все платили за пиво и раков.

Такая жизнь развратила племянника, он стал чаще прикладываться к рюмке. Многие посетители жаловались на него дяде, но тот не обращал внимания, ещё раз подтверждая предположение о том, что его доходы и некий имидж питейного заведения друг с другом не связаны. А Горби опускался всё ниже и ниже. И вот вчера какой-то заезжий парень, не понимая, что Горби неприкасаемый, заехал ему по физиономии.

Аверьян Семёнович уже знал об этом из разговоров поселковых жителей. Ему также доложили, что в администрацию на всех парусах мчится

сам Шамиль Таранян. Васильев попросил попридержать его в приёмной, а сам стал производить доразведку инцидента. Первым делом позвонил не в больницу и даже не в милицию, а своему племяннику Коле, одногодку Горбача:

— Коля, что там произошло вчера?

— Дядя Аверьян, ты не поверишь... Какой-то заезжий вырубил Горбача.

— Да ну! И как это произошло?

— Тривиально. Тот решил взять его на понт и схлопотал.

— Горбач пострадал?

— Не очень. Парень, судя про всему, мастер этого дела. Он Горбача сначала остановил прямым, а потом двумя шлепками ладонями окончательно отключил. Так что у того никаких повреждений, разве что мозги на место встали. А то он вообразил себя здесь вторым после Бога.

Васильев позвонил в милицию и в больницу. Картина складывалась вполне определённая. Тут к нему пришёл тот чернявый, начавший лысеть мужчина неопределённой южной национальности, чрезвычайно экспансивный. Он с места в карьер начал быстро говорить, иллюстрируя сказанное такими же быстрыми жестами. Полнейший беспредел, приехали из Киева “синие”, затеяли бузу, избили племянника, перелом челюсти и сотрясение мозга.

— Ну, второго у него быть не может.

— Почему?

— Шамиль, трудно сотрясти то, чего нет.

Таранян хотел возмутиться, но что-то его остановило. То, что у нормальных людей называется интуицией, а у блатных — чуйкой, сработало. Уж очень необычно вёл себя замглавы.

— Дак вот, слушай сюда, Шамиль, — произнёс Васильев. — Мне звонили кое-откуда, плюс я сам позвонил в больницу. Нет у твоего племянша перелома челюсти, и сотрясения мозга тоже нет. Потому что парень этот вовсе не “синий”. И шлёпнул он твоего племянша дважды ладонью больше для остротки. И парень этот чемпион Украины и мог бы твоего администратора убить одним щелчком, но он этого не сделал. А как ты думаешь, почему?

— Не знаю, — стушевался Таранян.

— Потому что прибыл сюда для проверки жалобы на твоего племянника из самого Киева. И что мне прикажешь сейчас делать? Вместе с твоим племяншом и с тобой сесть в тюрьму?

— Почему в тюрьму? — выдавил из себя ошарашенный Таранян.

— Ну, а куда должен сесть замглавы администрации района, если он покрывает преступную деятельность человека, который терроризирует посёлок? — Васильев вошёл в раж. — Ты что думаешь, взял Бога за бороду? И тебе всё можно? Я тебе сколько раз говорил: уйми своего племянша, люди жалуются... Да, видно, жаловались в Одессу, а потом стали писать в Киев. И ты мне про “синих” не заливай, парень этот из органов, по всему видно. Понимаешь, чем всё это пахнет?

— Да... — подавленно заключил Таранян.

— Ну, если понимаешь, готовь после обеда раков, приведу к тебе ещё одного высокого гостя, может, как-нибудь и уладим косяк твоего племянника. Лады?

— Лады. А гость оттуда? — спросил хозяин кафе и неопределённо махнул рукой в небеса.

— Оттуда, оттуда. Я думаю, после твоих раков он размякнет, и я с ним поговорю... Ты только сам к нам не лезь...

Далее были две справки. Одна касалась использования одесских санаториев для лечения и боевой переподготовки чеченских террористов, а также снабжения их деньгами, оружием и боеприпасами. В частности, указывалось, что в 1997 году через ОПГ Омара Магомедова решались вопросы закупки, в том числе в Приднестровье, оружия с целью его дальнейшей доставки в Чечню. Вторая свидетельствовала о прилёте в Одессу вице-президента Ичкерии Вахи Арсанова, когда Гурвиц и его заместитель В. Стеблина, используя служебное положение, вывезли Арсанова и его вооружённую охрану,

отказавшуюся сдать оружие пограничникам, из Одесского аэропорта. Отдельно в картонной папке было выделено: контакты Гурвица с националистическими организациями, такими как УНР, УРП, УНА-УНСО, КУН, представители которых отправлялись наёмниками в Чечню для войны с Россией.

Ниже располагался список фирм, которые оказывают поддержку главе Одессы с юридическими адресами и именами руководителей.

От обилия цифр у Савелия зарябило в глазах. И он решил прерваться. Искупавшись в море, вернулся в номер и продолжил чтение, но уже второй половины материалов, на которых было написано “Боделан”.

Боделан сменил Гурвица на посту одесского мэра. В отличие от предыдущих текстов, материалы по Боделану были составлены небрежно. Отсутствовало его досье. Неизвестный автор или авторы сразу брали быка за рога, объявив Руслана Боделана преступником. Материалы начинались с информации о том, что “Депутат Верховной Рады от фракции “Наша Украина”, глава политической партии “Защитников Отечества” Юрий Кармазин просит Генеральную прокуратуру возбудить уголовное дело против мэра Одессы Руслана Боделана”. Далее перечислялись злоупотребления Боделана. В частности, Боделан принимал единоличные решения, подписывал распоряжения о выделении квартир некоторым гражданам, что являлось нарушением законодательства и нанесло государству и городской общине Одессы значительный материальный ущерб.

За этими материалами шло сообщение о бесследном исчезновении заместителя городского головы Игоря Свободы, начальника юридического отдела горисполкома Сергея Варламова. Делалось предположение о том, что расстрелянные киллерами Борис Деревянко и Борис Вихров пали от рук сотрудников охранной фирмы “Капитан” во главе с Геннадием Трухановым, который в своё время обеспечивал охрану Боделана.

Не понимаю — для чего, Савелий извлёк из папки заявление и поместил его в свою сумку. После этого он пошёл в столовую ужинать, а вернувшись с ужина, обнаружил у себя около двери соседа, который молча кивнул ему в сторону клуба.

— А почему бы и нет, — откликнулся Савелий и пошёл играть в бильярд. Они закончили вторую партию, когда в клуб заглянул Афанасий. Он молча постоял на пороге, покачался с пяток на носки и ушёл, вызвав недоумение игроков. Партия закончилась очередной победой соседа.

Тут Савелию позвонил Краморенко.

— Слушай, великий исследователь одесского юмора. Завтра садись в маршрутку и едешь в Одессу. Я уже купил тебе билет на поезд...

— Но у меня встреча с Владиславом.

— Встречи не будет, Владислав в больнице.

— Простудился, купаясь в море...

— Простудился, получив обрезком трубы по голове...

Краморенко отключился, а Савелий выругался и пошёл к себе в вивгам. Уже стемнело, он зажёл свет в номере и увидел, что дверцы тумбочки раскрыты. В тумбочке всё лежало на своих местах: зубная паста, щётка, одеколон и бритва. Не было только папки...

Олесь вернулся домой поздно. Валентина встретила его приветливо.

— Ну что, гуляка, не остался на ночёвку у Нинки?

— Как видите.

— Ну-ну...

— А что пса-то не слышно?

— Да что-то захандрил он, надо ветеринара вызвать, весь день сидит в будке и хрипит.

Сообщение о хрипящем псе насторожило Олесь. Он открыл дверь и убедился, что контрольной соринки на месте нет. Не было её и на сумке, где хранились его вещи. Он разделся и, накинув на себя полотенце, в одних плавках и сланцах отправился в душ. Вода в баке успела немного остыть и хорошо освежила тело. Наспех промокнувшись полотенцем, он вернулся к себе в комнату и обнаружил там Валентину.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

— Нет, но может случиться.

— Что же?

— Уведёт тебя Нинка.

— А как же муж? — спросил Олесь, ощутив в своих объятиях полное тело зрелой женщины.

— А никак, он существует для тех, кто мне не нравится.

На следующий день он проснулся поздно. Принял душ, обнаружил на столе в беседке записку с перечислением того, что он должен съесть на завтрак, обязательно разогрев на газовой плите. Позавтракав, бросил ключи на стол в комнате, взял сумку и вышел из дома. Пёс, видимо, отошёл от вчерашнего усыпления и довольно грозно тявкнул на него из будки. Олесь вышел на улицу и заметил в сотне метров от дома “Опель-Омегу”. Машина тронулась вслед за ним. Но он якобы не заметил наблюдения. На автостанции купил билет до Одессы. Еле дождался автобуса, вошёл в салон и заметил, что один из пассажиров “Опеля” поспешил следом за ним. Если он один, то от него легко будет оторваться в Одессе, а если там его ждёт бригада наружки, от неё уйти будет трудно. Может, сойти чуть раньше? Но если всё так серьёзно, то за автобусом в Одессе уже будет идти машина с сотрудниками. Нет, надо ехать до Привоза, а там...

На Привозе ему удалось сбить хвост, взять “левака” и доехать до рынка на седьмом километре. В дороге они познакомились.

— А сколько бы ты взял за поездку в Беляевку? — спросил Олесь.

— Ну, триста, может, чуть больше.

— Плачу пятьсот, если ты меня вечером отвезёшь туда и обратно...

— Лады, я ночью свободен.

— Вот и договорились, ты в двадцать один ноль-ноль подъезжаешь к ресторану “Аркадия”. Знаешь, где это?

— Обижает, начальник, — сказал парень, — я одессит...

— И я одессит, — сказал Олесь.

— А ты не одессит, ты слово “одессит” произносишь по-москальски, твёрдо, почти как “э”.

— Надо же, какая наблюдательность...

На рынке Олесь помотался по рядам с тряпками, несколько раз проверился. Но хвостов за собой не обнаружил. Тогда он завернул к контейнеру с униформами.

— А вот и я, — сказал продавцу.

— Давно ждём-с, — ответил тот и изобразил на лице такое радушие, после которого покупатель уже не мог уйти без покупки.

— Что предложить?

— А вот этот полицейский вариант.

— Прекрасный выбор. Ваш размер?

— По-старому — пятьдесят четвёртый.

Продавец почесал затылок.

— Сейчас прикинем на глаз, а там примерим.

Он поднялся на второй этаж и вернулся с тремя комплектами формы. Начали примерку. Третий комплект подошёл Олесю в самый раз.

— Прекрасно, — сказал продавец. — Шейроны спороть?

— Не надо, я сам их спорю. Мне бы ремешок к брюкам, и желательно пошире.

— Просьба покупателя — закон. Щас сообразим. — Продавец снова поднялся на второй этаж и принёс несколько широких ремней. Олесь выбрал один из них, затянул вокруг талии и сразу почувствовал себя мобилизованным.

— Идёт, — сказал он, — упакуйте. Да, мне бы ещё непромокаемый мешок.

Купив ещё и непромокаемый мешок, Олесь пошёл к выходу, выбрал по собственному усмотрению одно из стоящих там такси и сказал водителю:

— Ресторан “Аркадия”.

В середине дня пробок в Одессе не бывает. Доехали быстро. Пока не было хозяина, Олесю ещё раз примерил униформу, вставил в шлевки пояс, отрезал от бельевой верёвки, которая была в ванной у хозяина квартиры, приличный кусок и соорудил что-то вроде вещмешка. Затем он принял душ и завалился спать, хотя уснуть было трудно: некий мандраж перед предстоящей операцией будоражил кровь и не давал возможности расслабиться.

И, тем не менее, Олесю удалось выспаться до прихода хозяина квартиры. Виктор Сильвестрович Олесю обрадовался, сказал, что звонил отец и интересовался, как у него дела. Они поужинали, поговорили, хотя разговор не клеился. Олесю попросил взять билет на завтра на любой поезд, лишь бы не в Киев. Виктор Сильвестрович обещал это сделать утром и оставить паспорт и билет на столе.

— Если я вас не дождусь, — сказал Олесю, — ключи от квартиры брошу в почтовый ящик.

— Хорошо, хорошо, — ответил Виктор Сильвестрович, — пусть будет так. Отцу от меня большой привет.

— Какая партия? — не понял Казик.

— Партия, которую ты украл у него. — Дерибан показал пальцем на Бориса.

— Саша, я первый раз слышу о такой партии, — заныл Казик, — да может, и не было никакой партии... Может, он привёз один камень.

— Была партия, была, Казя, лучший шнифер в Одессе день назад вскрыл его сейф в гостинице на Дерibasовской и подтвердил, что камни были там.

— Саша! Ну, может, этот шнифер и взял камешки? А... зачем же ты их там оставил?

— Это было лучшее место их хранения до того, как ты с ним поговорил.

— Ну, так он и взял их, придя туда по второму разу, а чтобы на него не подумали, вскрыл сейф ломом.

— А откуда ты знаешь, как он его вскрыл?..

— Да я не знаю, — заюлил Казимир, — я предположил...

— Да всё ты знаешь.

— Саша, да откуда?

— Казя, — продолжал Дерибан, — ты знаешь даже, сколько стоит заказать человека в Одессе.

— Саша, ну, откуда, да и что это за расценки?

— Казя, ты сейчас отсюда уйдёшь, но я заплачу за тебя полторы тысячи баксов...

— Саша, я всё понял, это Владик, он меня буквально изнасиловал...

— Его адрес?

— Микрорайон Котовского, шикарная квартира. Он женат...

— Мне по хрену, на каком он женат...

— Ну, Саша, не скажи...

— Когда ты ему сказал фамилию? — Дерибан кивнул в сторону Бориса.

— Сразу после того, как за ним уехал Митроха.

Дерибан повернулся к Митрохе:

— А ты...

— Я думал, что это ему нужно, — произнёс Митроха, — он мне стал баки заколачивать, что нужно знать о продавце всё, вдруг он не специалист, а мошенник...

— Мошенник, значит... Ну-ну...

— Езжай за ним, — сказал Дерибан Митрохе, — и привези его сюда...

— Саша... — заскулил Казимир, — ты не знаешь, с кем связываешься...

— Заткнись, — заорал Дерибан, — с тобой я разберусь позже, в зависимости от того, как этот хрен вернёт мне камни...

— Саша, ну, если твой шнифер видел камни, что же ты этого лоха не кинул?

— За него люди просили, а я — человек, а не поц с Привоза.

Дерибан взял в руки мобильный телефон.

— Але, Владик Самсонов, если брал билет на вылет из Одессы, сразу мне...

Дерибан позвонил в колокольчик. Появился двухметровый амбал. Дерибан кивнул в сторону Казимира:

— В кандей, до особого...

Амбал не стал подходить к геммологу, а только повернулся к нему и смеялся его взглядом от головы до ног. Казимир поднялся с дивана и поплёлся к амбалу, как кролик к удаву. Амбал положил Казимиру руку на плечо сзади и повёл из офиса.

— Ну, а мы по чайку, — произнёс Дерибан. — Как там Чилиндра, ещё не разучился “кушца” заваривать?

Но попить чайку не удалось. Дерибану позвонили. Он долго слушал, и его непроницаемое лицо стало ещё более непроницаемым. Отключившись от абонента, Дерибан некоторое время молчал, а потом позвонил в колокольчик. Появился амбал.

— Отпусти Казика, — сказал Дерибан, — и позвони Митрохе, скажи, чтоб возвращался, отбой...

Амбал ушёл, а Дерибан долго смотрел на Бориса, потом сказал:

— Везучий ты, Топаз.

— Почему? — вырвалось у Бориса.

— Потому, что удалось тебе сделать почти настоящие изумруды, это раз...

— А два?

— А два — не успели тебя замочить “деловые”, чтобы шпалой попереёк рельсов положить...

— Это как?

— А вот так — камни у них? У них. Ты им нужен?

— Нет.

— Вот и я о том же.

— Ничего не пойму, — сказал Борис, хотя внутренне похолодел...

— Ну, чтобы ты лучше понял, я тебе анекдотец расскажу. Приходит еврей в загс и просит сменить фамилию с Кацмана на Иванова. Ему меняют. Через месяц он приходит и просит сменить фамилию с Иванова на Самсонова.

— Это к чему?

— К тому, что твой Самсонов — это Кацман, и он улетел из Одессы несколько часов назад.

— Быстро. И как он прошёл досмотр?

— Никак он его не проходил.

— Почему?

— Потому что улетел на личном самолёте Гурвица.

— А кто такой Гурвиц?

— Святая простота, — произнёс Дерибан. — Гурвиц — это человек, который имеет личный самолёт, который стоит под парами в окрестностях Одессы.

— А почему он стоит под парами?

— А вдруг озверевший народ Одессы захочет погромить Гурвица?

— Ну, в Одессе, с её этнической толерантностью такое невозможно.

— В Одессе всё возможно.

— Да-а, — неопределённо протянул Борис.

— А ты почему не спросишь меня, как Владик Самсонов оказался в самолёте Гурвица?

— Да, как он там оказался?

— Он женат на его племяннице.

— Понятно, племянница позвонила дяде и сказала, что хочет полетать над Европой.

— Нет, племянница живёт в Хайфе. Она позвонила оттуда и сказала дяде, что срочно хочет видеть Владика. Ладно, много будешь знать, никогда не состаришься.

В офисе появился Казик, которого вёл амбал, положив ему сзади руку на плечо.

— Ты зачем его привёл сюда? — спросил Дерибан.

— Ты же сказал его освободить...

— Ну, освободил?

— Да.

— Тогда дай пинка на дорожку, и всё... Видеть его не могу...

— Саша, — запричитал Казимир, — бес попутал, но ты же деловой человек...

— Я деловой? — взревел Дерибан.

— Саша, я не в том смысле.

— А я в том...

— Саша, но ведь я тебе нужен, это же не последняя экспертиза, в Одессе нет второго такого геммолога... а за битого двух небитых дают...

— За битого, говоришь...

— Саша, я же не в прямом смысле, я ж тебя честно предупредил, что с Владиком лучше не связываться, там за Гурвицем, да ты лучше меня знаешь, кто стоит, кавказцы, Стоян.

— Ты рамсы не путай! Надо говорить — Стоян и только потом — кавказцы.

— Ну, извини, Саша, мы же с тобой одесситы, а Бог любит Одессу...

— Ты, пся крив, к одесситам не примазывайся, — сказал Дерибан и махнул рукой амбалу.

Тот снова положил руку на плечо Казимиру и повёл его из офиса. Как только они скрылись, появился Митроха.

— Возьми его паспорт, — сказал Дерибан, — езжай на вокзал и купи билет на любой поезд подальше от Одессы. Потом возвращайся.

— Так, может, я его сразу захвачу? — сказал Митроха. — Чтобы по жаре дважды не гонять

— Я его сам провожу, — сказал Дерибан, — чтобы потом у братвы базара не было, а то подумают, что я с деловыми заодно. И по пути скажи Клаве, чтобы она нам обед принесла сюда.

Клава появилась минут через пять, одетая, как одевались буфетчицы в пятидесятые годы: коричневое платьишко, белый фартучек и маленький белый накрахмаленный кокошник на голове. В руках карандаш и маленький блокнотик.

— Клава, — сказал Дерибан, — что-нибудь по собственному усмотрению, но чтобы гостю Одессы понравилось.

В двадцать ноль-ноль Олесь был у ресторана “Аркадия”. Парень-“левак” уже ждал его. Олесь сел на заднее сиденье.

— Ты чего в форме? — спросил водила.

— Потом скажу, — ответил Олесь.

— Потом так потом, но деньги вперёд!

— Годится, но только половину, вдруг ты меня не дождёшься?

— А ты что, на дело?

— Что-то вроде этого, надо одного козла наказать, повадился к сестре двоюродной с претензиями ходить.

— Понятно. А я думаю, чего ты так вырядился.

— Ты в Беляевке ориентируешься?

— Мало-мало.

— Отвезёшь меня в Маяки, а потом подъедешь к автостанции и будешь там ждать, не рядом, а чуть дальше, в сторону Одессы.

— А почему?

— А потому, что тебя кто-нибудь перекупит.

— Да нет, моё слово кремень.

Олесь расстался с водителем около одиннадцати вечера и целый час добирался до водозабора. Там он разделся, сунул одежду и закладки в непромокаемый мешок, привязал все это на спине и вошёл в воду.

Нина оказалась совершенно права, утверждая, что с этой стороны станция не охраняется, потому что ни один человек не в силах справиться с давлением днестровской воды, которая прижмёт его к сетке и не даст

возможности двигаться. И это было бы действительно так, если бы человек был полностью погружён в воду, но если он погружён только наполовину, то при хорошей физической подготовке у него появлялся шанс выжить. А если иметь крепкие руки скалолаза и цепляться за сетку поверх воды, шансы возрастали вдвое.

Невероятный шум воды заглушал все звуки. Олесь долго настраивался, мысленно преодолевая преграду один раз, второй... А потом вошёл в воду, и его мгновенно закрутило, потащило к сетке. Он не стал сопротивляться, а использовал момент кручения, чтобы перед самой сеткой как можно выше выскочить из воды. И это ему удалось, торс его оказался на поверхности, а ноги прижаты к сетке чудовищным напором воды.

Придя в себя после первого этапа преодоления препятствия, он стал медленно подтягиваться на проржавевшей железной сетке, с радостью чувствуя, что ему это удаётся. Далее всё было проще. Перебирая руками, он добрался до первого столба, на котором крепилась сетка водозабора. Там он перепрыгнул на бетонную стену водоканала, однако поскользнулся и едва не сорвался внутрь потока. После этого он сел на стену и таким образом стал передвигаться дальше.

Спрыгнув на землю уже на территории станции, он почувствовал, что снёс всю кожу с поверхности бедер, но времени на страдания не было. Олесь переоделся в форму охранника и выдвинулся к одному из четырёх очистительных корпусов, там улёгся в траву и стал наблюдать за территорией.

Через час он выявил два наблюдательных поста, которых, скорее всего, никогда не было на станции в обычное время, а установили их только сегодня. Смена их прошла в час ночи. Охранники по одному ушли в караульное помещение, а на их место пришли другие.

Олесь подождал, пока вновь заступившие привыкнут к обстановке вокруг поста, и ползком пробрался к двум насосным сооружениям. Там он поставил две закладки, а третью — с сигнальной ракетой — прикрепил к стене здания, функциональное назначение которого не вполне понял. Оставалось дожидаться смены временных постов.

Вот один из охранников поднялся и двинулся к караульному помещению. Олесь встал с земли и так же, как первый охранник, уверенно пошёл в ту же сторону. Однако дойдя до аллеи, которая вела к зданию администрации, свернул туда. Оставалось надеяться, что в темноте, да ещё и в форме, его примут за охранника, который по каким-то делам движется к проходной станции. Так и получилось. Ему удалось добраться до окна музея не обнаруженным.

Олесь толкнул ставню внутрь и, к радости своей, обнаружил, что щеколда изнутри так и осталась открытой. Он влез в окно. Сознавая, что ему повезло ещё раз, потому что на внутренних окнах музея, выходящих на территорию станции, не было сигнализации, но она обязательно должна быть на окнах внешних. Иначе зачем бы Нина ходила вчера её отключать?

Он посмотрел на часы. До нужного времени оставалось шесть минут. Сердце стучало так, что, казалось, его слышат все в радиусе ста метров.

Он ещё раз посмотрел на часы, время истекло, но ничего не происходило. Просто так выбивать внешнее окно музея крайне опасно. Рядом находилась проходная, а там — охрана.

Олесь подождал ещё немного, и тут на территории станции что-то бухнуло, раздался свист, и территория осветилась ракетой синего цвета. Всё на станции вдруг ожило, и даже находящиеся на проходной охранники выскочили из помещения и, видимо, закрыв проходную на ключ, бросились к месту, откуда взлетела ракета.

Олесь выждал ещё минуту, схватил стул и одним ударом вышиб раму окна музея, тут же сработала сигнализация, но он уже выпрыгнул на улицу, в несколько прыжков преодолел освещённый участок перед въездом на станцию и скрылся за деревьями. Добравшись до автостанции, спрятался в тени деревьев и осмотрелся. Всё было как обычно. Тогда походкой гуляющего человека он прошёл чуть дальше, где стояла машина парня-“левака”.

Тот спал на переднем сиденье. Олесь постучал в окно. Парень открыл глаза.

— Просышайся, бомбила, гривны пришли...

В квартиру Виктора Сильвестровича Олесь пришёл утром. Перед этим он позвонил из телефона-автомата в Киев и доложил руководству о местах закладки и успешном завершении операции. Потом завалился спать.

Проснувшись часа в два, он пообедал тем, что оказалось в холодильнике у Виктора Сильвестровича, и снова набрал номер телефона парня-“левака”. Тот приехал в назначенное время к “Аркадии” и отвёз Олесь на вокзал.

— Как сестра? — ехидно спросил водила, когда они расставались на привокзальной площади.

— Нормально, — ответил Олесь.

— Ну-ну.

Уже садясь в поезд, Олесь вытащил старую симку из телефона и встал ту, что дал ему отец.

В купе, где Олесь должен был ехать, уже разместились три мужика. Поезд мягко тронулся, и вскоре Одесса осталась за вагонными окнами. Все в купе словно ждали этого момента, заговорили шумно, с каким-то радостным надрывом.

— А давайте знакомиться, — сказал самый пожилой, — меня Павлом Алексеевичем зовут. Я геополитик.

— И что же вы делали в Одессе? — спросил его Савелий.

— Исследовал перспективы евроинтеграции.

— Ну и как?

— Что как?

— Перспективы?

— Весьма неопределённые.

— Ну, хватит пытать человека, — вмешался Борис, — сначала знакомство, а потом разговоры. Меня зовут Борис, я из Новосіба.

— А я Савелий, из Москвы.

— Я вижу, все мы не украинцы, — заметил Борис.

— Почему же, — сказал Олесь, — я украинец.

— Правильней было бы сказать, — заметил Савелий, — все мы не одесситы.

— Вот это точно, — произнёс Борис, разворачивая свёрток, который дал ему Дерибан. Там оказались две бутылки коньяка и аккуратно нарезанные, видимо, Клавдией, бутерброды. Олесь как самый молодой сходил за стаканами. После того как выпили по второй, а потом и по третьей, все барьеры к общению были окончательно сняты.

— А я видел вас на пляже в районе Аркадии, — сказал Олесю Павел Алексеевич.

— В Аркадии я был, — сказал Олесь и перевёл стрелки на другую тему: — У нас кончилось горючее, я, пожалуй, схожу в вагон-ресторан.

— Прекрасная идея, — сказал Савелий, — а мы как раз сбросим вам наши гривны, чтобы не увозить их завтра в Россию.

И все, кроме Олесь, стали выворачивать карманы и заглядывать в кошельки. После того как третья бутылка была принесена и выпита, возник спор о том, что такое Одесса.

— Знаете, — сказал Олесь, — мне кажется, что в любом сообществе под влиянием многих факторов начинает доминировать некая центральная идея. Она объединяет это сообщество и отделяет его от других.

— Этому трудно возразить, — сказал Павел Алексеевич, — просто такие факторы сложно выявить, чтобы видеть, что именно воздействует на то или иное человеческое сообщество, и куда это сообщество идёт и придёт в будущем. И какие факторы, на ваш взгляд, молодой человек, сформировали идею Одессы?

— Очень простые, — произнёс Олесь. — Когда-то Одессе было предложено исключительное положение. И фактор собственной исключительности с той поры пронизывает все сферы жизни и все социальные слои этого города.

— Плюс фактор контрабанды, — поддержал Олесь Савелий. — Ведь товары после таможи становятся дороже везде, но не в Одессе.

— Ну да, — согласился Олесь. — Отсюда небывалый рост состояний.

— Во-во, — сказал заплетающимся языком Борис; он выпил больше других, поскольку начал пить ещё с Дерибаном. — Отсюда особое положение бандитов в Одессе. Они вроде как и не бандиты, а лишь те, кто просит поделиться незаконно заработанным.

— И в таком обществе, — торжественно произнёс Савелий, — всё начинает подчиняться этой идее. Это как общий поток, а те, кто не подчиняется, начинают испытывать давление этого сообщества.

— Совершенно верно, это как плыть против течения, — произнёс Олесь, и у него заныли ободранные напором днестровской воды бедра и голени. — Да-да, и если ты вообще идёшь против течения, ты сначала лишаешься сил, а потом тебя либо ломает, либо уносит с общим потоком.

— Друзья, — сказал Павел Алексеевич; он был старше всех в купе и чувствовал себя неким гуру, — мне почему-то кажется, что мы все тем или иным боком не вписались в некую одесскую доминанту.

— Почему? — удивился Борис.

— Потому что мы с вами обсуждаем то, что коренные одесситы никогда не обсуждают, а принимают как данность.

— Разумеется, ведь вы даже теперь произносите слово “Одесса” так, как произносят его в России. То есть с твёрдым “д”, почти “дэ”. А это, как говорят в Одессе, две большие разницы, — сказал Савелий.

— Да какая разница, кто как что произносит, — возразил Борис, — важна с-уть...

— А вот сейчас мы эту суть сформулируем, — сказал Павел Алексеевич.

— Как? — спросил Борис и так резко качнулся, что чуть не упал на сидящего рядом Савелия.

— Весьма просто, — ответил Павел Алексеевич. — Жри сам и давай жрать другим.

— Фу, как не интеллигентно. Может сказать проще: живи сам и давай жить другим, — поправил его Борис.

— Нет-нет, — сказал Савелий, демонстративно картавя на каждой “р”, — всё гораздо тоньше. Давай жрать другим, чтобы тебя не сожрали, а потом уже жри сам. Это знаменитый еврейский принцип, который позволил им не только выжить в чужой, фактически русской среде, но и заразить всех прочих. А звучит он так: “Это Лева, это Боре, это Шиме, а это мне”. В нём глубокий смысл! Прежде чем откусывать самому, посмотри вокруг, съели ли твоё окружение. И ты избавишь себя от многих неприятностей...

Уснули часам к двенадцати. Все понимали, что выспаться им не удастся, но всё это было ерундой по сравнению с тем, что могло их ожидать в Одессе.

Крепким сном спал Олесь. Он выполнил поставленную руководством задачу и успешно ушёл после завершения “диверсии”.

Спал Савелий, который в день похищения документов сумел утром незаметно сбегать на почту, за бешеные деньги ксерокопировать материалы и отправить их в Москву.

В пьяном полусне метался на своей полке Борис. Он не был огорчен тем, что произошло с ним в Одессе. Всё сложилось как нельзя лучше! Воровской телеграф доведёт информацию о похищении камней до Карлаги, и тому ничего не останется, как снять претензии с Бориса.

Пройдёт несколько лет, многих левобережных уже не будет в живых, поскольку век бандитов короток. Борис найдёт способ продать значительную часть той партии изумрудов, которые своими параметрами не уступают природным.

И только Павел Алексеевич не спал. В споре он участвовал формально, чтобы поддержать беседу попутчиков. Он мог аргументированно разбить все доводы попутчиков относительно идей, на которых якобы стояла и стоит Одесса. Идеи, о которых говорили Олесь и Савелий, лежат на поверхности. Они, по сути дела, основа существования и выживания на бытовом уровне. Так формулирует свои парадигмы малое, пытаясь выжить в большом.

На самом деле идея Одессы не в этом. Одесса возникла как временный форпост на пути “ужасающей поступи империи”, как сказал когда-то гениальный малоросс Гоголь. Следующим городом на этом пути должен был стать Стамбул. Но империя задержалась на этой стороне Чёрного моря, и Одесса стала расти и развиваться под влиянием мощи, которую вливала в неё Российская империя, а затем и Советский Союз. И уж потом, на этой невидимой, но фундаментальной основе выросли Одесса бытовая, Одесса греческая, Одесса еврейская, Одесса криминальная и множество других маленьких *одесс*.

Развал СССР ликвидировал эту основу. Из Одессы незаметно вынули стержень, на котором она стояла и на котором держались маленькие *одессы*.

Хотя, на первый взгляд, с девяностых ничего не изменилось. И даже наоборот, эти *одессы* расцвели буйным цветом. Однако расцвет этот — начало конца. Маленькие *одессы* допивают соки Одессы большой, значения которой так никто и не понял.

А именно эту Одессу любил Бог, потому что именно она должна была сыграть значительную роль в его планах. Но планы Бога не доступны человеческому пониманию.

Поезд уносил компанию из четырёх мужчин всё дальше от Чёрного моря и Одессы. И никто из четверых не знал, что их ждёт впереди. Ведь на дворе стоял июль 2007 года, шестнадцатое число. И на перегоне Ожидов — Красное, что совсем недалеко от Львова, сошёл с рельсов поезд, следовавший из Казахстана в Польшу. Под откос ушли пятнадцать вагонов с жёлтым фосфором, шесть из которых сразу же загорелись, образовав облако ядовитых газов в несколько десятков километров...